ГОДЪ XXXVII.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1897 года. № 4. 16 Февраля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РѢЧЬ

по поводу безпорядковъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Изъ года въ годъ въ нашемъ отечествѣ повторяются чрезвычайно грустныя, поражающія своею странностью, явленія. Я говорю о безпорядкахъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По цѣлямъ, къ достиженію которыхъ, повидимому, стремились доселѣ виновники такого рода безпорядковъ, замѣчается отсутствіе всякихъ разумныхъ основаній. Вмѣсто того, чтобы учиться и работать, съ цѣлію подготовить себя для полезнаго служенія на поприщѣ науки и общественной дѣятельности, нѣкоторые изъ нашихъ юношей, забывая объ этой, самой существенной, обязанности своего званія, дерзко домогаются быть руководителями

[1]) Сказана священникомъ *А. А. Корсаковскимъ* въ торжественномъ собраніи членовъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, 30 янв. 1897 г.

какъ самой организацiи учебныхъ заведенiй, въ которыхъ они учатся, такъ даже и самаго строя государственной жизни. Есть ли здѣсь смыслъ?

Ученики хотятъ измѣнять уставъ своего училища, требуютъ права голоса въ дѣлѣ назначенiя и увольненiя собственныхъ учителей, демонстративно выражаютъ свое неудовольствiе противъ самаго правительства!.. Все это было бы очень смѣшно, если бы не было такъ грустно. Но именно здѣсь нельзя не скорбѣть, нельзя не плакать, видя, какъ на нашихъ глазахъ, получаютъ превратное направленiе и часто гибнутъ самыя лучшiя и свѣжiя силы нашего дорогого отечества,—плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ,—угасаютъ самыя завѣтныя и священныя надежды наши на молодое поколѣнiе, которому предстоитъ смѣнить насъ на жизненномъ поприщѣ. Страшно становится за будущее, при видѣ, какъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ гибнутъ молодыя силы, отъ которыхъ и семья и общество вправѣ были ожидать осуществленiя тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались. «Кто отретъ слезы старухи матери—спрашиваетъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, по поводу безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ,—кто смягчитъ скорбь старика отца, возлагавшихъ столько надеждъ на своего сына, не щадившихъ ничего для его воспитанiя и, нежданно-негаданно для нихъ, оказавшагося пустоцвѣтомъ, заразою для другихъ и потому исключеннаго изъ заведенiя? А государство?—такъ нуждающееся въ образованныхъ и честныхъ дѣятеляхъ и потому не задумывающееся ни надъ какими жертвами для ихъ приготовленiя,—кѣмъ пополнитъ оно то немалое число юношей, которые, послѣ столькихъ заботъ объ ихъ воспитанiи, оказались не только не годными, но и вредными для того поприща, къ которому подготовлялись»?

Гдѣ же причина такого, въ высшей степени прискорбнаго явленія въ жизни нашей молодежи, какое представляютъ собою изъ года въ годъ повторяющіеся въ стѣнахъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній безпорядки? Повидимому, наше правительство изыскивало и изыскиваетъ всевозможныя средства къ наилучшей постановкѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ виду ихъ чрезвычайно важнаго государственнаго значенія. Сколько самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей работало и работаетъ надъ благоустройствомъ этихъ заведеній! Сколько денегъ государство расходуетъ на содержаніе этихъ заведеній! Поистинѣ, они должны бы составлять гордость нашего отечества. Ближайшіе и непосредственные начальники и профессора этихъ заведеній также, повидимому, все—люди, вполнѣ подготовленные къ своей цѣятельности. Кажется все, рѣшительно все,—въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ приспособлено къ тому, чтобы предоставить молодымъ людямъ полную возможность получить надлежащую подготовку для дѣятельности на поприщѣ науки и разныхъ ступеняхъ общественнаго служенія своему отечеству. А между тѣмъ... Гдѣ же причина зла?

Наши молодые люди, поступающіе въ высшія учебныя заведенія, поступаютъ туда съ аттестатами зрѣлости. Но эта зрѣлость ихъ ограничивается большею частію только достаточнымъ запасомъ знаній, необходимыхъ для слушанія университетскаго курса. Что же касается зрѣлости нравственной, заключающейся въ здравыхъ и твердыхъ убѣжденіяхъ ума и нормальномъ направленіи воли, то такой зрѣлости, въ той степени, которая существенно необходима для этого возраста, у большей части нашихъ юношей, получающихъ аттестаты зрѣлости, не оказывается. О нравствен-

ной незрѣлости нашей молодежи, какъ нельзя очевиднѣе, свидѣтельствуютъ самые безпорядки, время отъ времени происходящіе въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, поражающіе своей неосновательностью и свидѣтельствующіе о слабости нашей молодежи поддаваться увлеченіямъ разныхъ вредныхъ вліяній.

И нужно замѣтить, что наши среднія учебныя заведенія, всецѣло поглощенныя заботами объ успѣшномъ прохожденіи учебныхъ программъ, только этой именно цѣли и достигаютъ, и только объ этомъ удостовѣряютъ вручаемые ими своимъ воспитанникамъ аттестаты зрѣлости. Что же касается зрѣлости нравственной, то, даже при самомъ честномъ отношеніи къ своимъ обязаностямъ, наши гимназіи не даютъ такой зрѣлости своимъ воспитанникамъ,—да едва ли и могутъ дать. Почему?

Кромѣ школы, есть другой, болѣе могущественный, факторъ, подъ воздѣйствіемъ котораго развивается наша молодежь. Это—семья и общество. Въ школѣ наши дѣти болѣе учатся; въ семьѣ и въ обществѣ воспитываются; въ школѣ они болѣе пріобрѣтаютъ научныя познанія, въ семьѣ и обществѣ образуются ихъ навыки и наклонности, изъ которыхъ постепенно вырабатывается ихъ характеръ и нравственная личность.

Однимъ словомъ, школа имѣетъ въ большинствѣ случаевъ самое ничтожное значеніе въ образованіи воли молодыхъ людей и ихъ характера, тогда какъ семья и общество имѣютъ въ этомъ дѣлѣ если не исключительное, то, во всякомъ случаѣ, преобладающее значеніе. Такимъ образомъ, самъ собою выясняется вопросъ о томъ, гдѣ искать главную причину нравственной незрѣлости нашей молодежи.

Въ елико время наслѣдникъ младъ есть, говоритъ св. апостолъ Павелъ, *ничимъ же лучшій есть раба..*, *но*

подъ повелители и приставники есть. (Гал. 4, 1—2); т. е. дѣти, до своего совершеннолѣтія должны находиться въ безусловномъ повиновеніи у своихъ родителей или попечителей и приставниковъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ пользоваться свободою самостоятельной жизни.

Таковъ законъ божественный, таковъ же законъ и государственный, не предоставляющій дѣтямъ до совершеннолѣтія всѣхъ гражданскихъ правъ. Къ сожалѣнію, въ нашей жизни встрѣчаются многочисленныя уклоненія отъ этого, вполнѣ законнаго и вполнѣ естественнаго порядка вещей. Мы часто предоставляемъ своимъ дѣтямъ слишкомъ много свободы, - мало обращаемъ вниманія на ихъ нравственное поведеніе, оставляя ихъ въ этомъ отношеніи часто безъ надлежащаго руководства и контроля. Мы вполнѣ покойны, если наши сыновья учатся, возвращаются изъ школы безъ двоекъ, переходятъ изъ класса въ классъ. А какъ они проводятъ свой досугъ, чѣмъ пополняется ихъ жизнь помимо учебныхъ занятій, въ это большинство родителей совсѣмъ не входятъ. Мудрено ли, поэтому, если наши дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, преждевременно дѣлаются жертвою страстей и пороковъ? Мудрено ли, что при такомъ небрежномъ отношеніи къ нравственному воспитанію нашихъ дѣтей, они выростаютъ безъ достаточно добрыхъ навыковъ, о развитіи которыхъ никто не заботился, а напротивъ—со многими дурными наклонностями, которыя развиваются на почвѣ животныхъ инстинктовъ и преждевременнаго знакомства съ темными сторонами жизни и уличной грязи.

Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся, заповѣдуетъ св. апостолъ Павелъ, *тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію*

сіе творятъ, а не воздыхающе, нѣсть бо полезно вамъ сіе (Евф. 13, 17). Покорность и повиновеніе учениковъ по отношенію къ своимъ учителямъ есть непремѣнный долгъ для первыхъ и необходимое условіе успѣшной дѣятельности вторыхъ. Какъ лица отвѣтственныя— яко слово воздати хотяще,—наставники и учители могутъ выполнять свои многотрудныя обязанности съ радостью, а не воздыхающе, только въ томъ случаѣ, если питомцы ихъ находятся у нихъ въ подчиненіи и относятся къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ. Таковъ непреложный смыслъ, заключающійся въ заповѣди Апостола. Едва ли кто станетъ спорить, что такія именно отношенія и должны быть между учащими и учащимися. Что же оказывается у насъ въ дѣйствительности? Было время, когда и у насъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ относились какъ къ своей alma mater, къ тому заведенію, въ которомъ молодые люди получали образованіе,—гордились и считали за честь обучаться тамъ; было время, когда съ такимъ же уваженіемъ и почтеніемъ молодежь относилась и къ своимъ профессорамъ и наставникамъ. Времена эти прошли. Теперь нерѣдкость встрѣтить такихъ юношей и даже мальчиковъ, которые съ пренебреженіемъ, а иногда даже и съ презрѣніемъ, говорятъ и о своей школѣ, и о своихъ учителяхъ, и о школьныхъ порядкахъ. Стыдно сказать, что мы, родители, часто сами бываемъ виноваты въ такомъ возмутительномъ настроеніи нашихъ дѣтей. Нашъ общественный, несомнѣнный недугъ, это—не стѣсняясь даже присутствіемъ дѣтей, поголовно все осуждать и порицать. Съ непростительнымъ легкомысліемъ, мы критикуемъ всѣхъ и все, не имѣя часто даже ни малѣйшаго понятія о томъ, что осмѣливаемся порицать. Въ нашихъ разговорахъ никому нѣтъ пощады: мы осужда-

емъ и существующіе порядки, и всякія реформы, и видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Что же удивительнаго, если этимъ нашимъ недугомъ заражаются и наши дѣти. Молодежь вѣдь весьма воспріимчива, а тѣмъ болѣе, когда мы, къ стыду нашему, сами, не признавая никакихъ авторитетовъ, внушаемъ такое же неуваженіе и нашимъ дѣтямъ по отношенію къ ихъ начальникамъ и учителямъ. Небрежное отношеніе къ нравственному воспитанію дѣтей, оставляемыхъ родителями во внѣшкольной жизни часто на произволъ улицы, легкомысленное отношеніе родителей къ исполненію своихъ собственныхъ обязанностей семейныхъ, служебныхъ и общественныхъ, огульное порицаніе ими правящихъ сферъ отражаются на нашихъ дѣтяхъ самымъ гибельнымъ образомъ. Они сами пріучаются легкомысленно относиться къ своимъ школьнымъ обязанностямъ, дѣлаются неспособными ни къ серьезному труду, ни къ подчиненію школьной дисциплинѣ, безъ которыхъ не мыслимо никакое благоустроенное учебное заведеніе. Неизбѣжнымъ результатомъ всего этого бываетъ малоуспѣшіе и неодобрительное поведеніе учащихся. Ихъ за это наказываютъ, ставятъ неудовлетворительные баллы, оставляютъ на повторительный курсъ, исключаютъ. Въ отчетѣ почтеннаго директора одной изъ нашихъ гимназій указанъ весьма печальный фактъ. Въ послѣднемъ выпускѣ этой гимназіи оказался одинъ только воспитанникъ изъ тѣхъ 27 человѣкъ, которые одновременно съ этимъ воспитанникомъ поступили въ гимназію. Куда же дѣвались остальные?—Они или выбыли изъ гимназіи, или оставлены на повторительные курсы въ низшихъ классахъ. Кто же виноватъ во всемъ этомъ? «Разумѣется,—начальство, учители, программа и училищные уставы». Такъ обыкновенно отвѣчаютъ злосчаст-

ные родители сыновей—неудачниковъ и рѣдко кто сознается, что главная вина падаетъ на нихъ—родителей, которые своимъ потворствомъ нравственной распущенности дѣтей не позаботились о развитіи въ нихъ чувства нравственнаго долга, не уберегли ихъ отъ грязи житейской и не только не внушили имъ уваженія къ старшимъ, но въ самомъ корнѣ подрывали въ нихъ авторитетъ школы и повиновеніе школьному начальству и дисциплинѣ, унижая въ ихъ глазахъ и учителей и весь строй учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ нравственный уровень нашихъ юношей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія, вслѣдствіе темныхъ сторонъ нашего семейнаго воспитанія, далеко не всегда соотвѣтствуетъ ихъ умственной зрѣлости. Хотя и съ поступленіемъ въ университетъ юноша продолжаетъ находиться «подъ повелители и приставники», по выраженію Апостола, и потому обязанъ безусловно подчиняться установленному порядку, но непріученный къ этому въ отрочествѣ, еще менѣе, чѣмъ прежде, сдерживаемый въ поступкахъ родительскою властію, онъ въ первое время своего студенчества большею частію бываетъ не въ состояніи справиться съ своимъ новымъ положеніемъ.

Прежде онъ долженъ былъ ежедневно готовить уроки, чтобы не получить двойки, и потому свободнаго времени у него было мало; теперь же, поступивъ въ университетъ, онъ освободился отъ ежедневнаго контроля въ своихъ учебныхъ занятіяхъ;—онъ знаетъ, что завтра никто не заставитъ его отвѣчать урокъ. А до экзаменовъ далеко! И рѣдко, весьма рѣдко можно встрѣтить юношу, который бы на первыхъ порахъ своего студенчества серьезно предался болѣе или менѣе самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ. Большею частью

молодые люди проводятъ это время въ праздности и еще болѣе, чѣмъ прежде, предаются тѣмъ пустымъ и нескромнымъ, а иногда безнравственнымъ развлеченіямъ, навыки къ которымъ они успѣли пріобрѣсти еще до поступленія въ высшее учебное заведеніе. Не даромъ говорятъ, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Въ юношескіе же годы, когда человѣкъ стремится къ кипучей дѣятельности, она особенно опасна, потому что тогда воля, не получивъ надлежащаго направленія, получаетъ направленіе превратное. Освободившись изъ подъ строгаго режима средняго учебнаго заведенія, наши юноши, не получивъ добрыхъ нравственныхъ навыковъ въ семьѣ, большею частію предаются, съ поступленіемъ въ университетъ, необузданной свободѣ своихъ страстей. Съ преувеличеннымъ понятіемъ о своихъ правахъ и безъ яснаго сознанія своего долга и своихъ обязанностей, они часто забываютъ, что и въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія необходимо подчиняться установленному порядку и повиноваться начальству и профессорамъ. Если къ этому мы прибавимъ, что многіе поступаютъ въ университетъ безъ всякой любви къ наукѣ, а лишь изъ-за диплома, вслѣдствіе чего такіе юноши, уклоняясь отъ усидчиваго труда, занимаются прожиганіемъ жизни, то намъ станутъ совершенно понятными тѣ безпорядки, которые такъ часто оскорбляютъ святость храма науки. Наступаютъ экзамены, къ студенту предъявляются требованія, которымъ онъ удовлетворить не можетъ, потому что въ теченіи курса не занимался, а билъ баклуши. Возникаетъ неудовольствіе противъ профессора, заявляются неосновательныя претензіи на удовлетворительную экзаменную отмѣтку, говорятся дерзости. Недовольные встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку въ другихъ, тоже и по тѣмъ же причи-

намъ недовольныхъ. Злоупотребляя товарищескими отношеніями, провалившіеся на экзаменахъ начинаютъ всѣми способами привлекать на свою сторону и другихъ своихъ товарищей. Молодежь волнуется, собирается на сходки, производитъ демонстраціи. Происходитъ смута, которая, благодаря вмѣшательству мѣстныхъ и заграничныхъ крамольниковъ, ловко умѣющихъ ловить рыбу въ мутной водѣ, разрастается до тѣхъ возмутительныхъ размѣровъ, о которыхъ стало всѣмъ извѣстно изъ правительственнаго сообщенія о безпорядкахъ, бывшихъ въ прошломъ году въ Московскомъ университетѣ. Страшно становится за наше молодое поколѣніе, изъ среды котораго оказывается возможнымъ съумасбродное и дерзкое посягательство на право увольнять и назначать собственныхъ профессоровъ, замѣнять университетскій уставъ и даже осуждать дѣйствія правительства, не имѣющія рѣшительно никакого отношенія къ университету! Невольно припоминаются пророчества о послѣднихъ временахъ: *будутъ беззаконники, которые идутъ во слѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны, и не страшатся злословить высшихъ* (2 Петр. 2, 10). *Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ похотямъ дудутъ избирать себѣ учителей* (2 Тим. 4, 3). Неужели мы дожили до этого времени? Конечно мы не смѣемъ бросать упрекъ всему нашему обществу въ неброжности о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей. Не можемъ огульно обвинять и всю нашу молодежь въ нравственной незрѣлости; не можемъ утверждать, чтобы и строй нашихъ учебныхъ заведеній былъ безукоризненъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мы указали только на фактъ несомнѣнный, что, за немногими исключеніями, нравственное воспитаніе нашихъ дѣтей

въ семействѣ находится въ пренебреженіи, вслѣдствіе чего наши юноши не имѣютъ ни добраго примѣра, ни добрыхъ навыковъ, ни достаточно силы воли, чтобы здраво относиться къ своимъ обязанностямъ и противостоять пагубнымъ вліяніямъ и соблазнамъ. А такъ какъ въ этомъ заключается величайше зло, причиняющее гибель самымъ цвѣтущимъ силамъ, которыя, при другихъ условіяхъ, могли бы быть весьма полезны для церкви и отечества, то мы позволяемъ себѣ отъ имени кіевскаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви указать на это зло, чтобы и предостеречь нашихъ юношей отъ опасности и побудить родителей и всѣхъ благомыслящихъ людей принять всѣ возможныя мѣры къ искорененію этого зла и предупрежденію его на будущее время.

БЕСѢДА

предъ вступленіемъ въ св. Четыредесятницу[1]).

(О мѣстѣ сорокадневнаго поста Господа нашего Іисуса Христа).

Тогда Іисусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню, искуситися отъ діавола. И постися днiй четыредесять и нощiй четыредесять (Мате 4, 1—2).

Благоговѣйно и съ душевнымъ трепетомъ входя въ святые и спасительные дни Четыредесятницы и отринувъ отъ себя, при семъ вступленіи въ очистительные дни, *духъ праздности, унынія, любоначалія и*

---

[1]) Члена кіевскаго Общества распространенія религ.-нравств. просвѣщенія въ духѣ Прав. Церкви, прот. *К. Ѳоменко.*

празднословія, призвавъ-же на себя *духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве*, побесѣдуемъ, братіе, о томъ мѣстѣ Св. Земли, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, предъ ходатайственнымъ о насъ предъ Богомъ служеніемъ Своемъ, *постился дній четыредесять и нощій четыредесять*. Въ память сего поста, св. Церковь и установила наступающіе дни очистительнаго и спасительнаго поста св. Четыредесятницы.

Тогда Іисусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню. О какой *пустынѣ* сорокадневнаго поста нашего Божественнаго Спасителя и Искупителя благовѣствуетъ здѣсь св. Евангелистъ Матѳей?—Это тихая, уединенная, безъ людскаго населенія и людской ежедневной суеты, *пустыня Іудейская*, занимающая мѣсто *обонъ полъ Іордана* (Матѳ. IV, 15)), и простирающаяся *во всю страну Іорданскую* (Луки III, 3). Пустыня сія была и мѣстомъ *проповѣди покаянія* Предтечи Господня Іоанна. Пустыня эта велика и обширна. Св. Писаніе не указываетъ въ этой обширной пустынѣ того опредѣленнаго мѣста, гдѣ Спаситель проводилъ предуготовительные къ служенію роду человѣческому дни сорокадневнаго поста; св. Писаніе говоритъ только: *и бѣ ту въ пустыни дней четыредесять, искушаемь сатаною, бѣ со звѣрьми, и ангелы служаху ему*. (Марка I, 13). Но слова Писанія восполняются словами священнаго Преданія. Мы, братіе, какъ чада св. Православной Церкви, *держимся и преданія*... (2 Солун. II, 15). А мѣстное преданіе, съ первыхъ-же вѣковъ христіанства, твердо и опредѣленно, безъ колебаній, указываетъ на *одну* гору обширной пустыни Іорданской, какъ на мѣсто сорокадневнаго поста нашего Господа,—это такъ называемая въ настоящее время „Каранта", т. е. *Сорокодневная гора*. Среди горъ Св. Земли священна эта гора, такъ-

же, какъ Ѳаворъ, Елеонъ, Сіонъ и Голгоѳа. При названіи сихъ святыхъ горъ сердце христіанина то бьется радостію и восторгомъ, то трепещетъ отъ чувства духовной печали и скорби. Всѣ путешественники на Іорданъ вмѣняютъ себѣ въ непремѣнный и священный долгъ посѣтить и высоту Сорокадневной горы. Не легокъ подвигъ поста. Не легокъ и путь восхожденія на гору Сорокадневнаго поста... Это знаютъ всѣ восходившіе на эту высокую и уединенную гору Іорданской пустыни.

На Востокѣ, гдѣ — безлюдная пустыня, тамъ и дѣлаетъ свои набѣги хищникъ пустыни — мѣстный бедуинъ, потомокъ Измаила. *Руки его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него.* (Быт. 16, 12). По причинѣ такого обстоятельства, путешествіе изъ Іерусалима на Іорданъ и Сорокадневную гору предпринимается обыкновенно съ такимъ расчетомъ, чтобы, вышедши изъ св. града днемъ, найти пріютъ для ночного покоя и защиты отъ мѣстныхъ хищниковъ въ Іерихонѣ въ „русскомъ странопріимномъ домѣ“. Какъ далеко нашелъ для себя мѣсто „русскій странопріимный домъ“! У священныхъ береговъ Іордана, на развалинахъ Іерихона, (2-го построеннаго послѣ Вавилонскаго плѣна), русскій паломникъ находитъ родной кровъ... Лишь только на небѣ покажется восточная заря, предвѣстница восходящаго солнца, паломники уже на ногахъ, бодры и готовы въ путь на Іорданъ. (На Востокѣ день проводится по обычаямъ вѣковымъ и правильнымъ: день для труда, ночь для покоя. *Трудящіеся*, и по Апостолу, *въ нощи спятъ*. (I Солун. V, 7). Крайне исказилъ естественное времяпровожденіе городской обычай, превращающій день въ ночь, а ночь въ удовольствія. Будучи *сынове дне*, люди превращаютъ себя въ *сыновъ ночи*). По освященіи воды во Іорданѣ, путеше-

ственники, погрузивъ себя въ струяхъ священной рѣки и облачивъ себя въ бѣлыя, чистыя одежды, спѣшатъ въ близь-лежащій пустынный Предтеченскій монастырь, а затѣмъ уже совершается путь на Сорокадневную гору. Пространство здѣсь верстъ 10. Здѣсь странникъ какъ-бы слѣдуетъ по пути *Писанія: И бысть во онѣхъ днехъ, пріиде Іисусъ отъ Назарета Галилейскаго, и крестися отъ Іоанна во Іорданѣ... И абіе духъ изведе его въ пустыню.* (Марка I, 9. 12).

Выбравшись изъ прибрежныхъ ивъ и кустарниковъ, путешественники видятъ предъ своими глазами величественную цѣпь Іудейскихъ горъ, въ видѣ большой дуги огибающихъ и охраняющихъ отъ вѣтровъ вѣчно зеленую Іорданскую пустыню. На лонѣ природы мертвенная тишина. Надъ головой дивный сводъ голубого восточнаго неба—неба знойнаго; предъ очами—растительность темно-зеленой окраски; подъ ногами сыпучій песокъ темно-коричневаго цвѣта. Таковъ общій видъ Іорданской пустыни! Медленно, шагъ-за-шагомъ подъѣзжаемъ къ подошвѣ Іудейскихъ горъ. Проводникъ говоритъ: „здѣсь стоялъ Іерихонъ“ (1-й, разрушенный Іисусомъ Навиномъ). Глазамъ представляется дикая, отвѣсная скала. По ребрамъ ея извивается узкая тропа. Далеко не достигая еще вершины горы, видѣнъ инокъ, ведущій на поводѣ за собою рабочаго ослика. Инокъ этотъ представляется по росту мальчикомъ лѣтъ 9-ти, а оселъ небольше малаго теленка. Такъ высока эта гора. Она-то и есть Сорокодневная гора. Предстоитъ трудный подъемъ. Не всѣ и способны подняться на высоту горы! Не всѣ мы, брат., найдемъ въ себѣ силы и на предстоящій подвигъ поста... Но да укрѣпитъ насъ *благодать Божія!* Всѣ путники спѣшиваются съ своихъ лошадей и ословъ. Подъемъ на гору открываетъ бод-

рый проводникъ. Мы за нимъ. Подымаемся по одному врядъ: опередить предшественника опасно. Разойтись и совершенно невозможно было. (Въ настоящее время, говорятъ, эту узкую тропу значительно расширилъ греческій игуменъ Сорокадневной обители). Не менѣе часу потребовалось для того, чтобы подняться только къ тому малому пещерному храму, который опредѣляетъ мѣсто, гдѣ Христосъ Господь *постился днїй четыредесять и нощїй четыредесять.* А это св. мѣсто не на вершинѣ горы. Вершина еще выше. Одинъ-по-другому, облитые потомъ и обезсиленные усталостію, мы вошли въ обширное, изсѣченное внутри скалы, преддверіе храма Сорокадневнаго поста. Насъ привѣтливо встрѣтилъ греческій игуменъ. Преддверіе храма было и погостомъ храма и хозяйственнымъ дворомъ. Здѣсь за каменной перегородкой стоялъ и тотъ осликъ, на которомъ игуменъ привезъ въ кожаныхъ мѣшкахъ воду для себя и усталыхъ посѣтителей. Надѣвъ епитрахиль, затепливъ лампаду и воскуривъ ѳиміамъ въ кадилѣ, мы совершили молебенъ въ маломъ храмѣ, гдѣ нашъ Божественный Искупитель, въ подвигѣ поста, пріуготовлялъ себя къ великому дѣлу спасенія рода человѣческаго. Священны сіи часы молитвы...

Положительно можно утверждать, что уже первые насельники и христіанскіе подвижники обратили малую пещеру Сорокадневнаго поста Христа Господа въ храмъ Господень. Храмъ сей былъ безъискусственный и безъ украшеній, какъ и всѣ христіанскіе храмы первыхъ вѣковъ Церкви Христовой. По мѣстнымъ палестинскимъ сказаніямъ благоукрасила сей храмъ иконописью св. равноап. Елена. Слѣды стѣнной иконописи, напоминающей фрески нашей св. Софіи Кіевской, сохранились и уцѣлѣли и до настоящаго времени. Сладостно для сердца

христіанина молитвенно преклонить колѣна на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ Господь молился такъ долго за насъ грѣшныхъ и за наше спасеніе. На молебнѣ Евангеліе было прочитано отъ Матѳея, зачало 7, т. е., о сорокадневномъ постѣ Господа и объ искушеніи Его отъ діавола. На ектеніи были помянуты всѣ постящіеся, всѣ труждающіеся и обремененніи, требующіе небесной благодатной помощи въ несеніи своего житейскаго креста...

Окончивъ молебенъ, и обратившись лицемъ къ западнымъ дверямъ, вмѣсто которыхъ здѣсь въ храмѣ была широко открытая арка на безграничное пространство Іорданской долины, наша душа была до основъ, до самой глубины поражена величіемъ предлежащей картины. Нѣтъ, это была священная живая икона, гдѣ былъ не изображенъ только Іорданъ, а струились *живые* потоки Іорданскихъ водъ и предъ мысленнымъ взоромъ духовно предстали евангельскія лица и священныя событія: Крещеніе Господне, подвигъ Его поста, призваніе первыхъ апостоловъ, Виѳавара, Предтеча и Креститель Господень, Андрей-первозванный, Симонъ-Петръ, колеблющійся Наѳанаилъ, Іерихонъ, слѣпцы Іерихонскіе, взывающіе: *Сыне Давидовъ! Помилуй насъ,*— Закхей Іерихонскій, мытарь, взлѣзшій *на ягодичину,*— (здѣсь-же у подножія скалы и росли дальніе—дальніе потомки этой Іерихонской,—смоквы), и многія другія Евангельскія событія. *И сердце наше горя бѣ въ насъ!*

Вотъ вамъ, бр., слабый нашъ очеркъ того святаго мѣста, гдѣ благоволилъ Христосъ Господь провести въ подвигѣ и постѣ сорокъ дней и сорокъ ночей. *Взирающе убо на Начальника и Совершителя Вѣры нашея Іисуса, терпѣніемъ* и въ духовной радости, а не воздыхающе, *да течемъ на предлежащій и намъ подвигъ*

святыя и спасительныя Четыредесятницы. Господь да укрѣпитъ силы всѣхъ насъ. Аще-же станемъ изнемогать, да вспомнимъ высоту Сорокадневной горы и великій на ней подвигъ нашего Пастыре-Начальника и Господа. Примѣръ подвига подвигаетъ на подвигъ. Аминь.

Помилуй мя, Боже! Помилуй мя.

Отнынѣ плакать я начну,
Сознавъ предъ Господомъ вину;
И, весь исполнясь сокрушенья,
Я вознесу къ Творцу моленья,
Свой взоръ къ Распятью устремя:
Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

* * *

Душе моя, на судъ гряди,
Предъ Богомъ, каяся, пади
И, жизнь исправить обѣщая,
Молись, молись къ Нему взывая,
Свой взоръ на небо устремя:
Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

* * *

Добра я дѣлать не желалъ,
Въ грѣхахъ Адаму ревновалъ
И какъ праматерь наша Ева,
Достоинъ сталъ суда и гнѣва.
Молюсь, взоръ къ небу устремя:
Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

* * *

Адамъ однажды согрѣшилъ
И рая Богъ его лишилъ;
А я всю жизнь въ грѣхахъ блуждаю,
Границъ винѣ своей не знаю.

Молюсь, взоръ къ небу устремя
Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

* * *

Молюсь Творцу, пока есть время,
Дабы грѣховъ постыдныхъ бремя
Съ души моей скорѣе снялъ
И мнѣ прощеніе подалъ.
Молюсь взоръ къ небу устремя:
Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

* * *

О Богоматерь Пресвятая!
Молю Тебя, въ слезахъ стеная:
Ты гласу моему вонми
И бремя тяжкое сними.
Молюсь взоръ къ небу устремя:
Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Свящ. *Іаковъ Ганицкій.*

Попытка къ разрѣшенію вопроса: кто именно перенесъ гробъ великаго князя Ярослава съ западной стороны Кіево-Софійскаго Собора на сѣверовосточный уголъ его?

Кіево-Софійскій Соборъ въ первоначальномъ видѣ его оконченъ былъ отдѣлкою не позже 1049 года, а въ 1054 году, какъ пишетъ лѣтописецъ Несторъ, преставися князь Ярославъ, и положиша его въ рацѣ мраморянѣ, въ церкви святой Софіи. Первоначально эта гробница, какъ утверждаетъ г. Петровъ, находилась въ западной части Собора, влѣво отъ главнаго, западнаго входа въ Соборъ, а теперь находится въ сѣверовосточномъ углу Собора, въ алтарѣ Владимірскаго придѣла, у южной стѣны [1]). И г. Петровъ, и другія лица, прежде его описывавшія Кіево-Софійскій Соборъ, не коснулись вопроса, когда и кѣмъ былъ перенесенъ Ярославовъ гробъ на настоящее его мѣсто. Вопросъ этотъ, за неимѣніемъ лѣтописныхъ сказаній, я попытаюсь разрѣшить на основаніи нижеслѣдующихъ данныхъ.

---

[1]) Труды Кіевск. дух. Акад., 1896 г. №, 11 стр. 370.

У ближайшихъ преемниковъ великаго князя Ярослава, на законномъ основаніи вступавшихъ на кіевскій великокняжескій престолъ, не могло быть никакого побужденія переносить гробъ Ярослава на другое мѣсто, тѣмъ болѣе нельзя допустить, чтобъ это сдѣлали тѣ изъ русскихъ князей, которые, по праву сильнаго, овладѣвали Кіевомъ и грабили не только первопрестольный градъ, но и св. Софію. Не могло, конечно, состояться перенесеніе Ярославова гроба и въ ближайшемъ времени послѣ татарскаго погрома. Тогда на мѣстѣ первоначальнаго града находились однѣ развалины съ самымъ незначительнымъ количествомъ жителей,—и кіевскіе митрополиты, проживавшіе въ Новогрудкѣ и Вильнѣ, опасались посѣщать свою престольную св. Софію, боясь встрѣчи съ бродившими на югѣ Россіи татарскими полчищами и считали безполезною всякую попытку къ возстановленію своего каѳедральнаго храма.

Послѣ провозглашенія Брестской церковной уніи, св. Софія 1610 года, въ недѣлю Православія, была захвачена уніатами и, находясь въ рукахъ ихъ до 1633 года, пришла по свидѣтельству Аѳанасія Кальнофойскаго[1]) въ крайнее запустѣніе, а обрушившаяся 6 сентября 1625 года западная паперть засыпала не только главный западный входъ въ храмъ, но и гробницу Ярослава. Уніаты, узнавши, что привилеемъ короля Владислава IV, даннымъ 1 ноября 1632 года, повелѣно св Софію возвратить православнымъ, поспѣшили увезти изъ нея все, что еще оставалось цѣннаго въ ней. Конечно, они дерзнули бы увезти и гробницу Ярослава, еслибы она въ то время не находилась подъ грудами развалинъ.

Гробница Ярослава не была извлечена изъ подъ развалинъ ни при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, отобравшемъ отъ уніатовъ въ 1633 году св. Софію, ни при его преемникѣ митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ, который продолжалъ начатое своимъ предмѣстникомъ возстановленіе храма Божія; въ противномъ случаѣ архидіаконъ Павелъ Алепскій, посѣщавшій съ патріархомъ антіохійскимъ Макаріемъ св. Софію въ 1653 и 1655 гг. и сдѣлавшій описаніе ея на арабскомъ языкѣ, непремѣнно упомянулъ бы о Ярославовой гробницѣ, если бы послѣдняя въ то время уже извлечена была изъ подъ развалинъ.

[1]) Тератургима Кальнофойскаго. 1638 г. стр. 195—196.

Преемники Сильвестра Коссова, скончавшагося 1657 года, митропотиты Діонисій Балабанъ, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и Антоній Винницкій и мѣстоблюстители кіевской митрополичьей каѳедры, по причинѣ не спокойнаго времени, до 1685 г., т. е. до избранія на каѳедру кіевской митрополіи епископа луцкаго и острожскаго Гедеона, князя Святополка Четвертинскаго, жили внѣ Кіева, а потому возстановленіе св. Софіи, начатое мит. Петромъ Могилою и продолженное Сильвестромъ Коссовымъ, было пріостановлено.

Когда митрополія вмѣстѣ съ Кіевомъ безвозвратно вошла въ составъ Великой Россіи и смутныя времена, такъ называемой въ исторіи Малороссіи, руины закончились, въ св. Софіи въ іюнѣ 1685 года состоялся соборъ, на которомъ, по древнему чину и обычаю, вольною элекціею, въ собраніи кіевскихъ и другихъ малороссійскихъ духовныхъ и мірскихъ людей, избранъ въ митрополиты кіевскіе епископъ луцкій и острожскій Гедеонъ, князь Святополкъ Четвертинскій [1]). Не имѣлъ ли этотъ архипастырь какихъ либо особенныхъ побужденій извлечь гробницу Ярослава изъ подъ развалинъ и затѣмъ перенесть ее въ сѣверовосточный уголъ Собора? Рѣшенію сего вопроса считаю необходимымъ предпослать нижеслѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ біографіи митрополита Гедеона.

Князья Четвертинскіе, къ которымъ, по своему происхожденію, принадлежалъ этотъ архипастырь, ведутъ родъ свой отъ равноапостальнаго Князя св. Владиміра, чрезъ правнука его Святополка Изяславича, великаго князя Кіевскаго. Настоящая фамилія ихъ— князья Святополки на Четвертинѣ Четвертинскіе. Происходитъ она отъ стародавняго родоваго имѣнія ихъ, нынѣ мѣстечка Четверти, существующаго въ луцкомъ уѣздѣ, волынской губерніи. Фамилія эта долѣе большинства другихъ знатныхъ фамилій южной и западной Россіи сохраняла вѣрность и преданность православію и дала изъ среды себя Православной церкви двухъ достойныхъ архипастырей Гедеона кіевскаго митрополита († 1690 г.) и Сильвестра, епископа могилевскаго († 1727 г.). Митрополитъ Гедеонъ, въ мірѣ Григорій Захарьевичъ старшій, такъ какъ онъ имѣлъ брата

---

[1]) Св. Софія Кіевская П. П. Л. Кіевъ. 1890 г. стр. 88.

младшаго его имени, также Григорія, по принятіи монашества въ 1659 г. былъ хиротонисанъ въ епископа луцкаго. Когда же управлявшій кіевскою митрополіею Іосифъ Шумлянскій, тайно принявшій унію, своими происками выжилъ изъ Луцкой епархіи Гедеона за отказъ принять унію, то онъ (Гедеонъ) удалился въ Батуринскій Крутицкій монастырь и здѣсь сблизился и породнился съ преданнымъ Россіи гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ. Послѣдствіемъ сего сближенія было созваніе въ іюнѣ 1685 года въ Кіевѣ, въ Софійскомъ храмѣ, собора, на которомъ Гедеонъ и избранъ въ кіевскаго митрополита. Хотя кіевскіе митрополиты до того времени зависѣли отъ константинопольскаго патріарха, который и поставлялъ ихъ, но Гедеонъ, по присоединеніи Кіева къ Россіи, отправился въ Москву, гдѣ, признавъ свою зависимость отъ московскаго патріарха, 8 ноября 1686 года принялъ отъ него и посвященіе, и этимъ положилъ начало и прочное основаніе возсоединенія южно-русской Православной церкви съ сѣверно-русскою, подъ властію московскаго патріарха, и содѣйствовалъ духовному объединенію Малороссіи съ Россіею.

По возвращеніи въ Кіевъ, преосвященный Гедеонъ немедленно началъ «оправлять митрополитанскую церковь св. Софіи, не жалуючи на тое кошту...» и затѣмъ, по тестаменту своему, завѣщалъ, «сверхъ разныхъ цѣнныхъ вещей, двадцать тысячъ польскихъ злотыхъ, чтобъ храмъ святой Софіи въ позосталыхъ руинахъ своихъ оправлялся» [1]).

Какія же «позосталыя» руины св. Софіи успѣлъ оправить преосв. Гедеонъ, въ теченіи своего недолгаго управленія кіевскою митрополіею? При митрополитахъ Петрѣ Могилѣ и Сильвестрѣ Коссовѣ три стороны св. Софіи—восточная, южная и сѣверная были возстановлены, но западная сторона ея оставалась заваленною руинами разрушившейся западной паперти, которыя толстымъ слоемъ покрыли гробницу Ярослава. Конечно, возстановленію этой стороны св. Софіи должна была предшествовать уборка «позосталыхъ руинъ»,—что и сдѣлано было, по распоряженію мит. Гедеона. Чтобы рабочіе, при уборкѣ руинъ, не испортили, или не разбили скрывавшейся подъ ними гробницы Ярослава, святитель самъ

[1]) Тамъ же стр. 88.

внимателено наблюдалъ за производившеюся работою. Когда же гробница изъята была изъ подъ руинъ, онъ привелъ ее въ благоприличный видъ и затѣмъ рѣшился перенести на то мѣсто храма Божія, на которомъ ей найболѣе приличествовало находиться.

Какое же мѣсто митр. Гедеонъ нашелъ въ св. Софіи найболѣе пригоднымъ для помѣщенія гробницы своего присноnамятнаго предка? Всѣ отдѣленія восточной стороны св. Софіи еще при митрополитахъ Петрѣ Могилѣ и Сильвестрѣ Коссовѣ были заняты главнымъ и придѣльными алтарями; оставался свободнымъ только сѣверовостный уголъ, въ которомъ въ настоящее время находится алтарь во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра. Такъ какъ, по существующему съ древнѣйшихъ временъ обычаю Христіанской Церкви, въ алтаряхъ не поставляются чьи бы то ни было гробницы (исключая мученическихъ) и воспрещается здѣсь погребать кого бы то ни было изъ покойниковъ, то прописанный уголъ и былъ избранъ для перенесенія сюда гробницы Ярослава. Принимая же во вниманіе лѣтописное сказаніе, что митр. Гедеономъ въ сѣверозападномъ углѣ Собора, весьма близкомъ къ тогдашнему мѣсту гробницы Ярослава, устроенъ придѣлъ съ престоломъ во имя Собора св. Іоанна Предтечи и имъ же освященъ 27 августа 1689 года [1]), считаемъ за несомнѣнное, что гробница Ярослава на настоящее свое мѣсто перенесена не позже 1688 года, такъ какъ къ устройству сего придѣла можно было приступить только послѣ возстановленія западной стороны св. Софіи и уборки руинъ, которыми завалена была эта сторона.

Тотчасъ по перенесеніи гробницы Ярослава, или спустя нѣкоторое время послѣ того, святитель Гедеонъ объявилъ свой тестаментъ, которымъ завѣщалъ, чтобы и его тѣло, когда онъ волею Божіею окончитъ свою земную жизнь, было погребено въ томъ самомъ сѣверовосточномъ углу Собора, въ которомъ поставлена гробница великаго князя Ярослава, его присноnамятнаго предка. Этотъ тестаментъ былъ исполненъ въ апрѣлѣ 1690 года: тѣло въ Бозѣ почившаго святителя было погребено вблизи гробницы Ярослава. Вскорости, послѣ совершенія погребенія, князья Святополкъ Четвертинскіе надъ свѣжею могилою своего родственника—

[1]) Тамъ же.

металлическую доску съ надписью на ней: «Архіепископъ—митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Малыя Россіи, епископъ луцкій и острожскій, Гедеонъ Святополкъ князь Четвертинскій родился [1])—, скончался 6 апрѣля 1690 года».

Послѣ того, какъ совершилось перенесеніе гробницы Ярослава въ сѣверовосточный уголъ св. Софіи и здѣсь же было предано землѣ тѣло святителя Гедеона, уже не могло быть никакого препятствія къ устройству придѣльнаго алтаря во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра. Предполагаю, что алтарь этотъ былъ устроенъ кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ концѣ XVII ст.

Устройствомъ Владимірскаго придѣльнаго алтаря, такъ сказать, сокрыта гробница Ярослава отъ многочисленныхъ посѣтителей Кіево-Софійскаго собора. Вслѣдствіе этого обстоятельства въ недавнее время поднимался вопросъ: «не слѣдуетъ ли, или упразднить Владимірскій алтарь, или же перенести гробницу Ярослава на ея прежнее мѣсто»? Намъ кажется, что съ разрѣшеніемъ сего весьма важнаго вопроса спѣшить не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что мущинамъ, желающимъ видѣть гробницу Ярослава, не воспрещенъ входъ въ алтарь, а для женщинъ, желающихъ взглянуть на ту же гробницу могутъ открываться не только боковыя двери, но и царскія врата Владимірскаго иконостаса.

Прот. *П. Орловскій.*

Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій [2]).

(*Некрологъ,—окончаніе*).

Насталъ тяжелый день разлуки съ усопшимъ Иваномъ Иг—мъ,—день его погребенія. 13 января (понед.) заупокойная литургія во Владимірскомъ Соборѣ совершена была ректоромъ Академіи, преосвященнымъ Сильвестромъ въ сослуженіи исключительно академическаго духовенства, а именно: инспектора Академіи, архимандрита Димитрія, профессора, прот. І. Королькова, доцента, свящ. Ѳ Титова,

[1]) Время рожденія м. Гедеона на этой доскѣ пропущено.

[2]) См. № 3 К. Е. Вѣд.

архипастыря кіевскаго укрѣпили на стѣнѣ существующую и теперь доцента, іером. Платона, профессорскаго стипендіата, іером. Филарета и студента іером. Іакова. Послѣ литургіи, преосвященнымъ Сильвестромъ, при участіи академическаго, соборнаго и городскаго духовенства, отслужена была краткая литія, предъ которою настоятелемъ Собора произнесена была слѣдующая рѣчь.

„Недавно освященный, Кіево-Владимірскій Соборъ понесъ тяжелую, трудно вознаградимую утрату, въ лицѣ скончавшагося церковнаго старосты Ивана Игнатьевича. Храмъ этотъ издавна былъ предметомъ особыхъ заботъ и попеченій почившаго. Еще за много лѣтъ до открытія и освященія здѣшняго Собора, почившій, вполнѣ понимая важное, историческое его значеніе, принималъ живое, горячее участіе во внутренней отдѣлкѣ Собора. Вслѣдствіе его записки, представленной (въ 1882 г.) въ церковно-археологическое Общество, иконостасу дано такое расположеніе, въ какомъ мы теперь его видимъ. Почившій много заботился о томъ, чтобы Соборъ, посвященный памяти св. Владиміра, по внутреннему своему устройству, напоминалъ собою тотъ византійскій храмъ, въ которомъ совершено было крещеніе св. Владиміра и его дружины.

Присутствуя въ этомъ храмѣ, мы видимъ здѣсь множество весьма выразительныхъ, характерныхъ и талантливо написанныхъ священныхъ изображеній іерарховъ, подвижниковъ и великихъ князей, имѣвшихъ значеніе въ церковно-исторической жизни русскаго народа. Эти изображенія составляютъ плодъ вдохновенія и многолѣтнихъ трудовъ художниковъ, здѣсь работавшихъ. Но мы считаемъ долгомъ справедливости отмѣтить, что художники, при начертаніи сихъ изображеній, нерѣдко обращались за разъясненіями и указаніями къ Ивану Игнатьевичу, какъ глубокому знатоку русской церковной исторіи. Почившій, съ свойственною ему любезностію и полнѣйшею готовностію, сообщалъ необходимыя свѣдѣнія, и тѣмъ немало содѣйствовалъ воспроизведенію изображеній святыхъ ликовъ въ ихъ исторической достовѣрности.

При такой заботливости и попечительности почившаго о здѣшнемъ храмѣ, становится понятнымъ и объяснимымъ, почему онъ, хотя не безъ нѣкотораго колебанія, согласился принять на себя единодушно предложенную ему прихожанами трудную и отвѣтственную должность церковнаго старосты Владимірскаго Собора. Съ большою энергіею и рѣдкою тщательностію Иванъ Игнатьевичъ исполнялъ принятую на себя новую обязанность. Всѣ силы ума его и сердца были направлены къ тому, чтобы въ здѣшнемъ, художественно устроенномъ, храмѣ, царило благочиніе, чистота и порядокъ. Его дѣтски-чистая, благочестивая душа глубоко смущалась замѣчавшимися на первыхъ порахъ отступленіями отъ благочинія, или же неблагоговѣйнымъ поведеніемъ присутствовавшихъ во храмѣ, нерѣдко приходившихъ сюда изъ простого любопытства и забывавшихъ о святости того мѣста, въ какомъ они находились. Для достиженія возможно-строгаго порядка во храмѣ почившимъ предпринято много разныхъ мѣръ, стоившихъ ему немалыхъ умственныхъ напряженій и усилій, трудно изобразимыхъ въ краткомъ словѣ, но хорошо извѣстныхъ намъ, служащимъ въ этомъ храмѣ и понятныхъ всякому, знакомому съ обычною административною и хозяйственною дѣятельностію. Особенно многихъ заботъ, тревожныхъ сомнѣній и безпокойства стоило Ивану Игнатьевиу приготовленіе Собора къ освященію, совершившемуся въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Дни и недѣли, предшествовавшіе этому освященію и отчасти слѣдовавшіе за нимъ, почившій почти безвыходно проводилъ въ здѣшнемъ храмѣ, прилагая все свое стараніе къ возможно-лучшему благочинію и порядку. Въ послѣднее время почившій, имѣя весьма дѣятельныхъ и усердныхъ помощниковъ по обязанностямъ старосты [1]), нѣсколько

[1]) Обязанности И. И. Малыщевскаго по должности церковнаго старосты раздѣляли—его помощникъ, генералъ П. Е. Жуковъ и племянница почившаго М. Д. Козубская, постоянно присутствовавшіе при богослуженіи.

успокоился было отъ заботъ, соединенныхъ съ новою должностію, и энергически принялся за свои обычныя учено-литературныя занятія. Но вотъ тяжелый недугъ приковалъ нашего дорогого сотрудника и сослуживца къ одру болѣзни, встать съ котораго онъ и самъ мало надѣялся. Помышляя объ отшествіи изъ сей жизни, приготовляясь истинно-христіанскимъ образомъ къ своей кончинѣ, почившій даже въ послѣднія минуты своей жизни не разъ выражалъ своему достойнѣйшему помощнику заботливость о нуждахъ храма. Такъ близка его сердцу была принятая на себя обязанность церковнаго старосты!

Съ не меньшею заботливостію почившій относился къ служащимъ въ семъ храмѣ, ко всѣмъ низшимъ членамъ причта. Всякія просьбы, обращенныя къ почившему отъ причта, принимались имъ съ сердечною отзывчивостію и полнѣйшею готовностію къ возможному выполненію.

Прими же дорогой, незабвенный нашъ сослуживецъ и сотрудникъ, прими отъ насъ глубокую, искреннѣйшую признательность за всѣ свои труды и попеченія о здѣшнемъ храмѣ и служащихъ въ немъ. Имя твое, уже начертанное здѣсь на мраморной доскѣ, какъ члена строительнаго комитета, запечатлѣется въ лѣтописи нашего храма и не изгладится въ сердцахъ прихожанъ, цѣнящихъ твою неустанную плодотворную дѣятельность.

Да упокоитъ Господь душу твою въ селеніяхъ праведныхъ и да воздастъ тебѣ сторицею за труды и подвиги, подъятые на пользу храма св. Владиміра"!

Послѣ возглашенія «вѣчной памяти» незабвенному старостѣ Владимірскаго Собора, гробъ почившаго на рукахъ его сослуживцевъ, учениковъ и родныхъ вынесенъ былъ изъ Собора и поставленъ на катафалкѣ. Началось длинное шествіе съ дорогими останками усопшаго, отпѣваніе котораго совершилось въ Братскомъ монастырѣ. Перенесеніе тѣла было совершено инспекторомъ Академіи, архим. Димитріемъ, при участіи академическаго, соборнаго и

городскаго духовенства и въ сопровожденіи многочисленнаго народа, буквально наполнившаго тѣ улицы, по коимъ несли покойнаго. По дорогѣ нѣсколько разъ совершались литіи, и прежде всего предъ домомъ почившаго (на Гимназической улицѣ, вблизи Собора), затѣмъ, предъ зданіемъ городской думы, гдѣ усопшій, какъ бывшій гласный думы, былъ встрѣченъ городскимъ головою, профессоромъ Академіи, С. М Сольскимъ съ представителями городскаго управленія и гласными (въ числѣ которыхъ есть и профессора Академіи). Г. городской голова почтилъ почившаго краткою, но сердечною и характерною рѣчью: «земной поклонъ праху твоему, почившій во Христѣ товарищъ по службѣ, отъ гражданъ г. Кіева. Идеальныя стремленія, воспитанныя въ тебѣ нашимъ высшимъ духовно-учебнымъ заведеніемъ, ты старался приложить и къ нашему общественному служенію въ городскомъ управленіи. Будучи гласнымъ кіевской городской думы, живо интересуясь дѣлами общественнаго благоустройства и ихъ правильнымъ направленіемъ, ты все свое вниманіе сосредоточивалъ на возможно большемъ увеличеніи числа городскихъ училищъ для распространенія грамотности въ народѣ. Считая правильное образованіе народа основою и оплотомъ могущества нашей отчизны, ты, во время своего блюстительства надъ народными школами, старался вдохновить какъ учащихъ, такъ и обучающихся святымъ рвеніемъ къ этому высокому дѣлу. Наблюдаемыя и надзираемыя тобою школы видѣли въ тебѣ заботливаго и усерднаго попечителя, облегчавшаго по возможности ихъ нужды и потребности. Онѣ сохранили о тебѣ незабвенное воспоминаніе. Миръ праху твоему, безкорыстный труженикъ и доблестный дѣятель!».

Спустившись на Подолъ, процессія остановилась возлѣ Рождественской церкви, гдѣ совершена была литія, и затѣмъ безостановочно, при колокольномъ звонѣ подольскихъ церквей, направилась въ Братскій монастырь. Здѣсь собралось уже множество народа, учениковъ, друзей и знакомыхъ, пришедшихъ отдать послѣдній прощальный долгъ почившему. Въ числѣ присутствовавшихъ находился начальникъ края, почетный членъ Академіи, графъ А. П. Игнатьевъ. Печальный обрядъ отпѣванія усопшаго совершали всѣ три кіевскихъ іерарха, при участіи двухъ архимандритовъ

(инспектора Академіи Димитрія и ректора семинаріи Іоанникія), многихъ протоіереевъ (ключаря Софійскаго собора, П. И. Орловскаго, благочиннаго П. А. Троцкаго, настоятеля Владимірскаго собора, І. Королькова, члена Консисторіи, П. Г. Преображенскаго и друг.) и іереевъ,—всего собралось духовенства до 50 человѣкъ, состоявшихъ почти исключительно изъ учениковъ Ивана Иг—ча. Предъ началомъ отпѣванія выступилъ на солеѣ ученикъ и товарищъ по школѣ, сослуживецъ по Академіи и другъ почившаго, славный нашъ витія, В. Ѳ. Пѣвницкій и сказалъ сердечную, глубоко прочувствованную рѣчь, не разъ прерывавшуюся его слезами и приведшую въ слезы всѣхъ окружающихъ.

„Съ невыразимою скорбію выступаю я воздать послѣднюю дань любви присному мнѣ мужу разума, чести и добра, нынѣ лежащему во гробѣ, и боюсь, что слезы, которыя я не въ силахъ сдерживать въ настоящіе, горькіе для меня, дни, воспрепятствуютъ мнѣ излить предъ вами хотя малую долю того, чѣмъ переполнена потрясенная, до глубины взволнованная душа моя.

Вы ждете отъ меня утѣшеній вѣры. Знаю я, что съ этого священнаго мѣста приличнѣе всего раздаваться слову вѣры и неложнаго упованія. Знаю, что утѣшенія вѣры, небеснымъ свѣтомъ освѣщающей темные пути наши,—благодатный, цѣлебный бальзамъ для души, терзаемой скорбію. Но вамъ ли, изучающимъ глаголы живота вѣчнаго, повторять сладостныя утѣшенія вѣры? И безъ нашего напоминанія вы свято храните ихъ въ сердцахъ своихъ. Всѣ мы знаемъ и вѣруемъ, что блаженъ путь, въ оньже идетъ почившій собратъ нашъ и наставникъ; всѣ мы вѣруемъ, что ему уготовано мѣсто упокоенія, въ которомъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Всѣ съ благоговѣйною покорностію подчиняемся неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Промыслителя, благоволившаго взять отъ насъ душу усопшаго, какъ полный и спѣлый колосъ, въ небесную житницу свою, гдѣ будетъ хранима она до дня послѣдняго суда и воскресенія, до дня воздаянія каждому изъ насъ по дѣламъ нашимъ.

Блаженъ путь, въ который идетъ почившій! Но наше бренное естество невольно содрагается, когда предъ нимъ во очію является смерть, которой не сотворилъ Господь, и которая вошла въ нашъ родъ, какъ грозное наказаніе за преслушаніе воли Божіей. Блаженъ путь почившаго! Но наше сердце сжимается и трепещетъ, когда изъемлется изъ среды живыхъ на вѣки близкій и дорогой намъ человѣкъ, съ которымъ мы связаны крѣпкими и разнообразными узами, и слезы, непрошенныя слезы, текутъ изъ глазъ, когда насильственно разрываются эти узы, производя глубокое болѣзненное ощущеніе во всемъ существѣ нашемъ.

И пусть текутъ эти слезы! Не грѣховны онѣ. Самъ Господь, всесильный Владыка жизни, возмутился духомъ и прослезился надъ умершимъ другомъ своимъ Лазаремъ, котораго воскресилъ отъ мертвыхъ (Іоан. XI, 33—35). Не грѣховны онѣ. Сама Церковь приглашаетъ насъ плакать и рыдать, когда мы помышляемъ смерть и видимъ во гробѣ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту, бездыханну, безстрастну, не имущую вида, ниже доброты.

Итакъ теплыми слезами проводимъ въ хладную могилу взятаго отъ насъ возлюбленнаго собрата нашего, и будемъ плакать надъ нимъ слезами любви, растворенной вѣрою.

И какъ не плакать и не сѣтовать намъ? Мы лишились въ усопшемъ того, кто долгое время былъ славою и украшеніемъ дорогой всѣмъ намъ Академіи? Какъ не предаваться грусти? Опустѣлъ скромный кружокъ нашъ, котораго онъ былъ душею, который согрѣвалъ онъ теплотою своего любящаго сердца, общительнаго, отзывчиваго на все доброе. Какъ не сѣтовать вамъ, юные питомцы наши, которыхъ мы съ почившимъ могли считать присными чадами своими. Вы потеряли мудраго руководителя—наставника, богатаго обильными сокровищами знаній, всегда скораго на помощь вамъ, всегда готоваго на заступленіе ваше во дни напастей вашихъ? Какъ

не плакать вамъ, родные и близкіе покойнаго? Среди васъ не стало такъ любезнаго вамъ человѣка, который былъ опорою дома, всѣми нами глубоко чтимаго, который былъ вашимъ мудрымъ совѣтникомъ и утѣшителемъ, который своимъ участіемъ вносилъ такъ много услады въ многопопечительную жизнь вашу. Но я дерзну прибавить слово и о себѣ. Какъ мнѣ не болѣзновать? Я потерялъ давняго, неизмѣннаго, самаго искренняго друга. Не годъ, не два продолжался союзъ нашъ, а болѣе четырехъ десятилѣтій, и на такомъ длинномъ пространствѣ времени никакое темное облако (не обинуясь скажу это) не омрачало нашихъ чистыхъ доброжелательныхъ отношеній. Со мною дѣлилъ онъ всѣ радости, заботы и печали свои; мнѣ вполнѣ открыто было его прекрасное сердце, полное благости и любви. И давно уже сопряглись наши души, какъ душа Давида съ душею Іонаѳана, и *удивися любовь его отъ мене паче любве женскія* (1 Цар. 1, 26). Болѣе сорока лѣтъ мы шли рука объ руку, вмѣстѣ дружно неся тяготу работы, на насъ возложенной. Соединенные союзомъ любви и единомыслія, мы, какъ двѣ натянутыя струны на одномъ музыкальномъ инструментѣ, издавали согласный тонъ, звукъ котораго усиливался отъ взаимнаго сопряженія. Но вотъ одна струна насильственно порвана рукою смерти. Что станетъ съ другою, оставшеюся струною! Будетъ ли она способна по прежнему издавать свой обычный звукъ? Не приспѣло ли и ей время сдвинуться съ мѣста своего? Къ тебѣ, Владыко живота моего, надъ гробомъ друга обращаю молитвенный вопль: направи стопы мои, аможе хощеши, въ тотъ остатокъ дней, какой угодно милосердію Твоему даровать смиренному рабу Твоему!

Но умѣрь скорбь свою, мятущаяся душа! Разсѣйте облако печали и вы всѣ, въ чьемъ сердцѣ болѣзненно отозвалась смерть почившаго!

Не будетъ болѣе съ нами возлюбленнаго собрата нашего. Не будемъ мы болѣе видѣть лица его, не услышимъ его

пріятныхъ бесѣдъ и разумныхъ совѣтовъ. Но въ наше утѣшеніе, а вмѣстѣ и въ наше назиданіе, онъ оставляетъ намъ свой чистый, незапятнанный образъ. Будемъ хранить его, какъ наше дорогое сокровище, и будемъ передавать его изъ рода въ родъ грядущимъ поколѣніямъ. Почившій, отходя изъ здѣшняго міра, непостыдно могъ приложить къ себѣ слова Апостола: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV, 7). А мы съ полнымъ дерзновеніемъ можемъ приложить къ нему и послѣдующія слова: *прочее убо соблюдается ему вѣнецъ правды, егоже воздастъ ему Господь въ день онъ, праведный Судія.*

— *Подвигомъ добрымъ подвизахся.* Смотрите на длинный путь, имъ пройденный. Онъ весь исполненъ неустаннаго и плодотворнаго труда. На нивѣ, нами воздѣлываемой, онъ проводилъ широкую и глубокую борозду и сѣялъ на ней чистое сѣмя, трудясь изо дня въ день, не слагая рукъ и въ своемъ трудѣ опережая другихъ, и служа для нихъ образцомъ и поощреніемъ. И чистое сѣмя, имъ сѣемое и возращаемое, созрѣвало и приносило плодъ не здѣсь только, гдѣ призванъ былъ онъ на дѣланіе свое: оно разносилось по всѣмъ предѣламъ нашего необъятнаго отечества, собираемо и чтимо было даже за его предѣлами. Къ его голосу со вниманіемъ прислушивались всѣ, служащіе отечественной наукѣ, и при возникавшихъ спорахъ по вопросамъ изъ области знаній, имъ разрабатываемой, у него искали послѣдняго рѣшенія, указующаго путь къ открытію истины. Отъ Щедродателя Бога ему даровано было пять талантовъ для воздѣлыванія, и трудомъ многихъ лѣтъ онъ пріумножилъ эти таланты и принесъ Господу другіе пять талантовъ,—и душа его (мы вѣримъ) слышитъ нынѣ сладкій гласъ Господа: *добрѣ, рабе благій и вѣрный: о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Матѳ. XXV, 21).

Теченіе скончахъ. Давно уже почившій собратъ нашъ достигъ предѣла, переступивъ который труженики науки мо-

гутъ искать покоя, и не неся служебнаго бремени, за прежніе труды получать полное вознагражденіе, достаточное для обезпеченія старости. Но братъ нашъ, нынѣ нами оплакиваемый, не слагалъ съ себя бремени и не искалъ покоя и за предѣломъ узаконенныхъ лѣтъ. Онъ шелъ за раломъ, не смотря на слабѣющія свои силы, до послѣдняго издыханія, не прекращалъ живаго просвѣтительнаго слова и не выпускалъ изъ рукъ пера, орудія своей работы, до приступа послѣдней болѣзни, низведшей его въ могилу. И голосъ его, не смотря на старѣющія силы, по прежнему былъ силенъ и звученъ, по прежнему преклонялъ къ себѣ вниманіе ищущихъ свѣта и знанія. Двѣ силы удерживали его на трудовомъ поприщѣ,— это безграничная любовь къ Академіи, которая была для него второю матерію, и безъ связи съ которой онъ не могъ представить своего существованія; это далѣе преданность наукѣ, воздѣлывать которую было наслажденіемъ его жизни. Онъ скорбѣлъ, и не разъ и не два высказывалъ мнѣ свое глубокое сожалѣніе, что новыя заботы [1]), имъ на себя воспринятыя въ послѣднее время, отвлекали его отъ Академіи и любимыхъ имъ научныхъ занятій, и онъ хотѣлъ докончить только годъ служенія въ своей новой должности, чтобы потомъ снова всего себя посвятить наукѣ и Академіи.

Вѣру соблюдохъ. И эта свѣтлая черта, цѣнная въ особенности въ очахъ Божіихъ, красуется въ чистомъ, достоподражаемомъ образѣ почившаго. Воспитанный подъ кровомъ церковнымъ, онъ, восходя въ силу разума, не утерялъ той теплоты вѣры, которую вселяли въ него поученія отца-добраго пастыря и молитвы благочестивой матери, какъ то, къ несчастію, бываетъ съ иными, прельщенными умомъ своимъ; а напротивъ чѣмъ болѣе восходилъ онъ отъ силы въ силу въ разумѣ, тѣмъ болѣе утверждался въ вѣрѣ, свою мудрость зем-

---

[1]) По должности церковнаго старосты недавно освященнаго Владимірскаго Собора.

ную стараясь соединять съ мудростію небесною, направляющею мысль нашу на неложные пути въ исканіи истины и осіявающею божественнымъ свѣтомъ предметы вѣдѣнія, неразгаданные для оземленившагося ума. Къ Богу щедротъ и всякія утѣхи стремилась душа его, чая отъ Него всякаго даянія блага и избавленія отъ всѣхъ золъ, постигающихъ насъ на путяхъ нашего земнаго странствованія. Мы привыкли всегда видѣть его благоговѣйнымъ молитвенникомъ въ храмахъ Божіихъ. Это устремленіе благочестивой души его къ Богу особенно замѣтно было въ послѣдніе годы, и оно побудило его, не смотря на немощи, неразлучныя съ старостію, посвятить свое время и свои силы хлопотливому служенію въ новопостроенномъ славномъ святомъ храмѣ, которому прилежалъ онъ и въ долгіе годы его построенія. Воспринявъ это служеніе, онъ уже не въ воскресные и праздничные дни только, но и въ будніе являлся въ храмъ для совершенія дѣла своего служенія и для изліянія молитвенныхъ чувствъ предъ Богомъ, Хранителемъ судебъ нашихъ. Когда почувствовалъ онъ приближеніе кончины живота своего, онъ возжелалъ войти въ пріискреннее единеніе съ Господомъ чрезъ принятіе Пречистаго Тѣла и Пречистой Крови Его, и, очистивъ себя отъ грѣховъ, съ благоговѣйною вѣрою принялъ святыя Тайны, а затѣмъ, въ мирѣ совѣсти и въ надеждѣ воскресенія, тихо отошелъ къ Господу.

Итакъ рабе благій и вѣрный! Вниди въ радости Господа твоего. Мы разлучаемся съ тобою въ несомнѣнномъ упованіи, что Господь въ послѣдній день суда увѣнчаетъ тебя вѣнцомъ правды, который уготованъ всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его и свято блюдущимъ завѣты Его. Аминь".

Затѣмъ началось отпѣваніе почившаго, во время котораго говорили рѣчи студенты и профессоръ Академіи. Студентъ IV курса В. Лебедевъ въ рѣчи выражалъ глубокое сожалѣніе, что студенты лишились въ лицѣ почившаго «симпатичнаго настав-

ника, разъяснявшаго имъ съ каѳедры судьбы церкви Христовой на Руси, завѣщавшаго своимъ примѣромъ образецъ трудовой до глубокой старости, до гробовой доски жизни, оставившаго въ нашей памяти образецъ рѣдкой кротости, привѣтливости, незлобія истинной гуманности и снискавшаго за свою плодотворную дѣятельность общее уваженіе даже внѣ стѣнъ академическихъ...». Студентъ того же курса Ал. Бурговъ въ своей рѣчи, обращаясь къ почившему, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «Запечатлѣлась въ душахъ нашихъ твоя простая, безъискусственная, но живая бесѣда, исполненная христіанскаго духа и силы. Памятно намъ краснорѣчіе сердца, искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ познавшаго ея силу. Но съ эимъ христіанскимъ умомъ, съ обиліемъ знанія, у тебя соединялось дорогое качество историка-христіанина, это—незлобивое, младенчески-довѣрчивое, простодушное сердце. Многосвѣдущій историкъ весь былъ кротость, чистосердечіе, любовь, простота, откровенность; въ этомъ, добрый наставникъ, полагалъ ты свое христіанское званіе...». Студентъ 3-го курса Алекс. Глаголевъ въ своей рѣчи обратилъ вниманіе на то, что нынѣ для дорогого почившаго, «маститаго служителя науки, вѣры и церкви Христовой, неутомимаго просвѣтителя духовнаго юношества,—нынѣ окончилось для него время труда, время дѣланія и началось время суда и воздаянія». Какого же рода судъ ожидаетъ почившаго? «Извѣстенъ (говоритъ ораторъ) намъ судъ общественнаго мнѣнія, который можетъ быть только восхваленіемъ почившаго, не только какъ истиннаго ученаго, но и какъ истиннаго христіанина, на всѣхъ производившаго обаяніе любвеобильности, кротости, почти дѣтскаго незлобія. Есть затѣмъ судъ исторіи. И онъ долженъ быть только благопріятнымъ для памяти почившаго, оставившаго послѣ себя многочисленные и богатые вклады въ церковно-историческую науку... Но для почившаго насталъ еще судъ, который одинъ только и дорогъ для него въ данное время,—это всеправедный судъ Божій... Чувство долга и любви къ почившему налагаютъ на насъ священную обязанность—споспѣшествовать вожделѣнному исходу для него сего безконечно важнаго суда. Что же для сего сдѣлать? Молиться объ усопшемъ Христу Богу, да не низведетъ почившаго

по грѣхамъ его на мѣсто мученія, но да вчинитъ его, идѣже свѣтъ животный»... Предъ пѣніемъ «пріидите послѣднее цѣлованіе» профессоръ Академіи А. А. Дмитріевскій произнесъ рѣчь, въ которой весьма рельефными чертами охарактеризовалъ почившаго, какъ профессора, товарища и семьянина. Назвавъ Ив. Иг—ча именемъ «добрѣйшій», ораторъ напомнилъ слушателямъ, что съ этимъ эпитетомъ почившій былъ извѣстенъ между товарищами, друзьями и знакомыми и притомъ не только въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества, но и далеко внѣ его, въ земляхъ южно-славянскихъ и на православномъ Востокѣ. И дѣйствительно, «безпримѣрная благость (по словамъ оратора), неисчерпаемая доброта чистой души Ивана Иг—ча составляли основную отличительную черту характера этого рѣдкаго человѣка. Съ этою свѣтлою чертою онъ является предъ нами рѣшительно всюду, и въ наукѣ, и въ общежитіи, при своихъ сношеніяхъ съ товарищами-сослуживцами, съ многочисленными учениками, бывшими и настоящими питомцами Академіи, даже съ простыми случайными знакомыми».. Доброта Ив. Иг—ча, какъ профессора, обнаруживалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ съ необыкновенною снисходительностію относился къ трудамъ молодыхъ и немолодыхъ ученыхъ, дѣлая о нихъ почти всегда самые лестные отзывы. Товарищи по службѣ глубоко цѣнили и искренно любили почившаго, какъ «благожелательнѣйшаго сочлена, никогда и никому чрезъ всю свою жизнь не сдѣлавшаго зла, чуждаго пристрастія, узкой партійности, умудреннаго житейскимъ опытомъ совѣтника-руководителя, оживлявшаго скромныя товарищескія торжества своимъ блестящимъ, полнымъ остроумія и огня словомъ». Кромѣ профессорскихъ обязанностей, Ив. Иг—чъ несъ множество другихъ обязанностей, въ качествѣ члена разныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. «Пользуясь добротою характера покойнаго, всѣ эти общества, а равно и частныя лица налагали на него множество порученій и обязанностей, которыя онъ выполнялъ съ рѣдкою добросовѣстностію. Эти побочныя членскія и иныя обязанности, не давая покойнику никакихъ матеріальныхъ выгодъ, причиняли ему много огорченій, напрасныхъ волненій и душевныхъ тревогъ, сильно надломившихъ его и безъ того некрѣпкій организмъ». Въ концѣ своей многосодержательной и глубоко-

прочувствованной рѣчи, ораторъ говорилъ о почившемъ, какъ примѣрномъ семьянинѣ, нѣжномъ супругѣ и многопопечительномъ отцѣ своего единственнаго сына. Въ заключеніе онъ выразилъ почившему отъ себя лично глубокую признательность за тѣ добрые совѣты и наставленія, какими онъ пользовался при своихъ учено-литературныхъ занятіяхъ.

Послѣ этого начался печальный, глубоко трогательный обрядъ прощанія съ почившимъ, который длился очень продолжительное время, по причинѣ желанія множества лицъ отдать послѣднее цѣлованіе дорогому покойнику. Гробъ усопшаго былъ вынесенъ на рукахъ его товарищей, учениковъ, родныхъ и почитателей. Печальное шествіе отправилось изъ Братскаго монастыря къ мѣсту погребенія Ив. Иг—ча—на Щекавицкое кладбище, куда провожали его инспекторъ Академіи, архим. Димитрій, наставники и студенты Акад., носящіе священный санъ, священники Владимірскаго Собора и настоятели многихъ другихъ церквей. На могилѣ сказана была студентомъ IV курса М. Алабовскимъ краткая, но глубоко прочувствованная рѣчь, и прочитаны были съ большимъ воодушевленіемъ стихи студентомъ II курса Ан. Бѣлгородскимъ. По опущеніи гроба въ могилу и преданіи тѣла землѣ всѣми студентами и служащими пропѣта была церковная пѣснь «Со святыми упокой».., произведшая на присутствовавшихъ глубоко-трогательное впечатлѣніе. Погребеніе почившаго окончилось около 5 ч. вечера, послѣ чего всѣ наставники и принимавшіе участіе въ отпѣваніи священники приглашены были, по доброму старому обычаю, къ преосв. Сильвестру на поминальную трапезу, во время которой всѣ съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминали объ утратѣ дорогого наставника и товарища.

Скорбь Академіи раздѣляютъ многія лица, знавшія почившаго и приславшія (на имя преосв. ректора Академіи, или вдовы покойнаго, или В. Ѳ. Пѣвницкаго) телеграммы и письма съ выраженіемъ соболѣзнованія объ утратѣ дорогого профессора. Такія телеграммы получены, вскорѣ послѣ смерти Ивана Иг—ча, между прочимъ отъ слѣдующихъ лицъ: 1) г. товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, В. К. Саблера, 2) высокопр. Іеронима, архіеп. литовскаго, 3) преосв. Иринея, еп. подольскаго, 4) преосв. Іосифа, еп. брестскаго, 5) Казанской дух. Академіи, 6) Волынской дух. семи-

наріи, 7) Кишиневской дух. семинаріи, 8) Тифлисской дух. семинаріи, 9) прот. В. И. Лебедева, 10) профес. Новорос. университета, И. А. Линниченко, 11) законоучителя Ставропольской гимназіи, свящ. П. Руткевича, 12) преподавателя Орлов. дух. семинаріи, А. И. Георгіевскаго.

Въ девятый день, по кончинѣ Ивана Иг—ча (въ воскресенье, 19 января), въ Братскомъ монастырѣ, послѣ литургіи отслужена была преосвящ. Сильвестромъ, при участіи архим. Димитрія, наставниковъ и студентовъ, носящихъ священный санъ, панихида, на которой присутствовали профессора, студенты Академіи и множество почитателей почившаго.

Такая же панихида отслужена была во Владимірскомъ Соборѣ настоятелемъ Собора, прот. І. Корольковымъ, при участіи протоіереевъ А. Г. Лебединцева, К. І. Ѳоменко, священниковъ— В. А. Соколова, Г. А. Тихомірова и И. Г. Тарасевича. На панихидѣ присутствовали г. ректоръ и профессора Университета, предсѣдатель славянскаго комитета Т. Д. Флоринскій, представители Общества Нестора лѣтописца, нѣкоторые профессора Академіи и очень много знакомыхъ и друзей почившаго. Предъ началомъ панихиды настоятелемъ Собора произнесена была слѣдующая рѣчь.

„Девятый день уже минулъ съ тѣхъ поръ, какъ Кіевская Академія лишилась высокочтимаго, многоученаго и добрѣйшаго своего наставника и товарища, а Владимірскій Соборъ— многопопечительнаго старосты Ивана Игнатьевича. Намъ доселѣ какъ-то не хочется вѣрить, что такъ быстро, такъ неожиданно оставилъ насъ на вѣки нашъ усердный сотрудникъ и неизмѣнный руководитель въ занятіяхъ по Академіи и по Собору. Намъ кажется, что вотъ, по окончаніи церковной службы, изъ за этихъ колоннъ войдетъ въ алтарь нашъ добрѣйшій Иванъ Игнатьевичъ и съ обычно-кроткою и вѣжливою улыбкою обратится къ намъ съ какимъ нибудь предложеніемъ касательно благоустройства въ здѣшнемъ храмѣ. Но тщетны наши надежды, напрасны ожиданія! Нашъ заботливый сотрудникъ не придетъ болѣе къ намъ, не облегчитъ нашихъ трудовъ по этому храму. Онъ лежитъ бездыханный

во гробу, далеко отъ насъ, подъ сѣнію другого храма, возлѣ котораго покоятся его присные, родные. Намъ остается только жить воспоминаніями о такомъ дорогомъ, нынѣ рѣдко встрѣчающемся, человѣкѣ, какъ почившій, и посредствомъ молитвы продолжать входить съ нимъ въ общеніе.

Долговременно и глубоко плодотворно было служеніе Ивана Игнатьевича родной Академіи. Это былъ образецъ истиннаго профессора и товарища: постоянно занятый какою-либо серьозною учено-литературною работою, онъ трудился до послѣднихъ дней своей жизни, не жалѣя своихъ силъ и своего, издавна не крѣпкаго, здоровья. Но мало того, что почившій самъ, по искренней любви къ наукѣ, постоянно трудился; онъ всячески содѣйствовалъ, чтобы и другіе, подобно ему, также съ любовію занимались наукою. Если кто-либо изъ студентовъ или наставниковъ обращался къ нему за руководствомъ при своихъ занятіяхъ,—онъ не только не скупился на совѣты и указанія, а напротивъ съ особою любовію и, какъ говорится, дорогою душою, дѣлился съ молодыми и немолодыми учеными всѣми своими свѣдѣніями и имѣвшимися въ его обширной библіотекѣ пособіями. Мы увѣрены, что память о такомъ необыкновенно добромъ и многосвѣдущемъ профессорѣ, 43 года прослужившемъ родной Академіи, перейдетъ въ роды родовъ, въ самыя отдаленныя поколѣнія.

Кратковременно было служеніе почившаго здѣшнему храму въ должности церковнаго старосты,—всего 5 мѣсяцевъ. Но и въ этотъ краткій періодъ времени усопшій успѣлъ высказать добрыя и благородныя черты своего характера— искреннюю сердечность и отзывчивость ко всѣмъ нуждамъ храма, причта и служащихъ при храмѣ. Ко всякимъ просьбамъ и заявленіямъ ихъ онъ относился съ замѣчательною внимательностію и сердечною готовностію исполнить ихъ. Въ первые дни и недѣли предъ освященіемъ и по освященіи Собора, онъ всецѣло посвятилъ себя нуждамъ храма, на вре-

мя почти совсѣмъ оставивши свои многолѣтнія, столь любимыя имъ, ученыя занятія. Всѣ лица, знавшія почившаго, удивлялись его необычайной дѣятельности и распорядительности по Собору и къ глубокочтимому, стяжавшему между кіевлянами славу своею ученостію, старцу-профессору относились еще съ большимъ уваженіемъ и признательностію.

Особое вниманіе къ почившему со стороны его товарищей, учениковъ, друзей и знакомыхъ высказалось по смерти его. Всѣ три кіевскихъ іерарха приходили сюда молиться объ упокоеніи его души; на панихидахъ, совершавшихся въ этомъ храмѣ при участіи многочисленнаго кіевскаго духовенства, перебывало великое множество народа; гробъ его, стоявшій здѣсь, утопалъ во множествѣ самыхъ разнообразныхъ вѣнковъ, принесенныхъ отъ чистаго сердца и глубокаго уваженія къ почившему. Перенесеніе тѣла усопшаго изъ Владимірскаго Собора въ Братскій монастырь походило на необыкновенно торжественную процессію, рѣдко нами виданную. При отпѣваніи тѣла его въ Братскомъ монастырѣ выразились необычайная любовь, уваженіе и признательность къ почившему въ тѣхъ глубоко-сердечныхъ и трогательныхъ рѣчахъ, которыя лились, можно сказать, цѣлымъ потокомъ изъ устъ его сослуживцевъ и учениковъ.

Такимъ образомъ и отъ Академіи и отъ Владимірскаго Собора возданы почившему возможныя земныя почести. Но не въ томъ теперь, братіе-христіане, нуждается душа усопшаго; она имѣетъ нужду въ нашей усердной молитвѣ о почившемъ,—да проститъ ему Милосердый Господь вольная и невольная прегрѣшенія. Будемъ же, друзи, знаеміи и сродницы, возможно чаще возносить свои молитвы о рабѣ Божіемъ Іоаннѣ, да вселитъ Господь душу его въ селеніихъ праведныхъ. Аминь“.

Съ такою сердечною участливостію, съ такимъ глубокимъ, искреннимъ и всеобщимъ сожалѣніемъ похоронили ученики—до-

рогаго и добрѣйшаго наставника, родные и знакомые—незамѣнимаго и рѣдкаго человѣка, оставившаго между всѣми самую добрую по себѣ память. Во имя любви къ почившему позволяемъ себѣ пригласить многочисленныхъ учениковъ его, а особенно среди кіевскаго духовенства, наичаще вспоминать о немъ въ молитвахъ предъ престоломъ Всевышняго.

Прот. *І. Корольковъ.*

Одна изъ желательныхъ мѣръ къ развитію пастырскаго учительства.

Никто не будетъ теперь оспаривать, что въ послѣднее время пастырская проповѣдь съ церковной каѳедры стала чаще и чаще оглашать слухъ предстоящихъ и молящихся въ храмѣ Божіемъ. Такъ дѣлается въ городахъ, такъ и въ селахъ. Въ настоящей замѣткѣ мы будемъ имѣть въ виду, однако же, собственно сельскіе приходы, гдѣ священники также старательно взялись за проповѣдь. Проповѣди эти, на сколько намъ извѣстно, заимствуются ими частію изъ нѣкоторыхъ духов. журналовъ, а частію изъ отдѣльныхъ сборниковъ поученій того или другого, излюбленнаго священникомъ, автора. Доброе дѣло, положимъ, и это: лучше сказать въ церкви поученіе хоть чужое, да хорошее, чѣмъ—никакого. Но все таки остается желать, чтобы священники въ тоже время не лѣнились писать и произносить поученія и своего собственнаго сочиненія. Почему это желательно—сейчасъ увидимъ, а равно укажемъ при семъ и на средство къ осуществленію сего желанія на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что священникъ, хотя-бы окончившій курсъ въ дух. Семинаріи и съ успѣхомъ, если не возьметъ пера въ руки для составленія проповѣди долгое время, (а къ сожалѣнію такіе случаи бываютъ), съ теченіемъ времени, онъ *почти* разучивается писать. Мы, конечно, тутъ не разумѣемъ ни церковно-служебной письменности, ни частной; ибо можно написать (и хорошо написать) какую нибудь дѣловую бумагу, письмо, газетную или журнальную какую статейку,—но въ тоже время, отвыкнувъ и разучившись, написать дов. слабо церковную проповѣдь. Ибо, иное дѣло—литература перваго рода,

иное—послѣдняго. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ особаго религіозно-нравственнаго настроенія, (безъ котораго и написать проповѣдь хорошо нельзя, ибо только *отъ избытка сердца* хорошо *говорятъ уста*...),—нуженъ еще и особый навыкъ, сноровка и умѣнье, пріобрѣтаемые наиболѣе практикою. Къ сожалѣнію нужно сказать, что, на сколько намъ извѣстно, писаніе собственныхъ проповѣдей практикуется у насъ далеко не всѣми священниками. Чтобы убѣдиться въ семъ, стоитъ только запросить по сему предмету уѣздныхъ оо. протоіереевъ, которымъ цензура проповѣдей много лѣтъ подлежала; они, навѣрное, дадутъ по совѣсти отвѣтъ далеко не утѣшительный. Такой-же отвѣтъ дали и нынѣ существующіе окружные цензоры изъ опытнѣйшихъ священниковъ. А между тѣмъ, оо. благочинные, какъ кажется, вовсе не забираютъ справокъ по сему предмету отъ цензоровъ, а прямо, по первой отмѣтной графѣ въ Клиров. вѣдомостяхъ, отмѣчаютъ многихъ священниковъ «весьма хорошо и отлично хорошо»,—«говоритъ проповѣди в. усердно»,—«говоритъ неопустительно» и проч. Но по прямому смыслу вопроса въ графѣ: «изъ *ученыхъ* кто сколько проповѣдей говорилъ».., тутъ разумѣть, конечно, нужно проповѣди именно своего сочиненія; ибо къ чему-бы тутъ стояло и слово «*изъ ученыхъ*»? А между тѣмъ, по отмѣткѣ судя, ею можетъ б. отличенъ священникъ, и никогда ничего не пишущій своего, а только лишь по книжкѣ говорящій, что можетъ дѣлать невозбранно и священникъ, не окончившій полнаго Семин. курса, и даже діаконъ, съ благословенія священника. А между тѣмъ—*строгое наблюденіе оо. благочинныхъ за составленіемъ каждымъ изъ священниковъ, оконч. полный курсъ Семинаріи, проповѣдей своего сочиненія, принесло-бы двоякую пользу* (въ этомъ и суть нашей замѣтки): соблюлась-бы этимъ и правильность отмѣтокъ въ Клиров. вѣдомостяхъ, сообразно точному смыслу ихъ рубрикъ,—и священники, зная о семъ, не желая отстать одинъ отъ другаго, поощрялись-бы больше и больше въ составленіи основательныхъ и назидательныхъ поученій. Но что важнѣе всего, и что тутъ мы имѣемъ особенно въ виду, такъ это то, что аккуратное, ежегодное составленіе своихъ поученій выработало-бы современемъ у всѣхъ священниковъ способность часто говорить складно и основательно,

хотя и простыя, но назидательныя бесѣды съ своими прихожанами, въ особенности при воскресныхъ и праздничныхъ внѣбогослужебныхъ съ ними собесѣдованіяхъ. Не всегда же у священника есть подъ рукою сборникъ поученій,—не всегда, тѣмъ болѣе, есть время написать слово и рѣчь; не всегда даже есть время подробно, хоть и въ умѣ, составить и планъ поученія. Продолжимъ это примѣромъ: приходите вы, положимъ, на собесѣдованіе съ прихожанами въ школу, гдѣ уже болѣе ретивые сельскіе грамотѣи, еще до прихода вашего, выпросивъ книжку у школьнаго учителя, уже читаютъ что-нибудь для себя полезное и занимательное въ бытовомъ, или религіозно-нравств. отношеніи. Вы, помолившись обыкновенно, не желая перебивать совсѣмъ (чтобы пожалуй не сконфузить) читающаго, сами на время дѣлаетесь его слушателемъ. Представьте же себѣ, что среди чтенія вы наталкиваетесь на такую мысль, которую вы хотѣли-бы еще больше развить и освѣтить т. ск. въ умахъ своихъ слушателей соотвѣтствующими и утверждающими мѣстами изъ св. Писанія, изреченій св. Отцевъ церкви и пр. Когда ужъ тутъ приготовляться къ рѣчи? Вы тутъ должны уже быть наготовѣ—во всеоруженіи Слова Божія и святоотеческихъ изреченій и мнѣній, подтверждаемыхъ часто самою жизнію и дѣяніями святыхъ людей. Вамъ остается, послѣ этого, только складно и къ мѣсту приложить все это въ своей рѣчи, которая всегда должна быть ясна, раздѣльна и толкова. Вотъ тутъ-то и сослужилъ бы вамъ службу пріобрѣтенный вами навыкъ писать свои поученія, тѣмъ болѣе, что при семъ вы часто и совершенно необходимо, для подтвержденія своихъ мыслей и наставленій высшимъ авторитетомъ, должны будете заглядывать и въ книги св. Писанія ветх. и нов. завѣта и въ житія св. отцевъ, ихъ творенія и проч. А нашъ простой народъ какъ любитъ эту аргументацію! Пиша часто свои поученія, пастыри Церкви (въ особенности это нужно сказать о молодыхъ священникахъ) къ пріобрѣтеннымъ въ школѣ познаніямъ, будутъ, такъ сказать, невольно и незамѣтно для самихъ себя, пополнять свои знанія изъ священ. Писанія и святоотеческихъ книгъ. А это не *«едино ли на потребу»* для успѣха нашей проповѣди? Но скажетъ кто-либо: «я, читая и чужія проповѣди, могу все это замѣтить». Полно! Такъ-ли? Нѣтъ,—вы

лучше все это замѣтите, если сами пороетесь въ Библіи, въ житіяхъ святыхъ и проч..

Скажетъ еще кто, что строгое наблюденіе оо. благоч. надъ сказываніемъ священниками своихъ поученій будетъ уже отзываться какой-то школой? Да Боже мой! И вся-то жизнь наша не есть ли школа? Мудрая поговорка—«вѣкъ живи—вѣкъ учись» и здѣсь приложима.

Да не посѣтуютъ, однако, на меня мои дорогіе собратья по священству за настоящую замѣтку. Въ этомъ случаѣ и я могу сказать нѣчто подобное тому, что сказалъ Апостолъ Коринѳянамъ въ 1 къ нимъ Посланіи (4, 14), хотя конечно я, грѣшный, всей силы словъ наставленія апостольскаго приложить къ себѣ не смѣю. Да и не ко всѣмъ сельскимъ священникамъ можетъ относиться настоящая замѣтка...

Одинъ изъ сельскихъ священниковъ.

Голосъ сельскаго священника.

Въ данное время между священниками старыми—формалистами и молодыми еще не опытными, но самонадѣянными, поcлучаю выдачи неполныхъ предбрачныхъ документовъ своимъ прихожанамъ, происходятъ часто пререканія и даже личныя непріятности,—а для бѣдныхъ прихожанъ лишнее хожденіе изъ прихода въ приходъ. А посему мы полагаемъ не лишнимъ предложить своимъ юнымъ собратіямъ для руководства нижеслѣдующую форму предбрачнаго документа.

Предбрачное свидѣтельство № 00.

Дано сіе, кіевской епархіи, чигиринскаго уѣзда, 3 благочиннического округа, александровской волости, села Антоновки крестьянину собственнику, Свято-Покровской церкви прихожанину, Андрею Иванову Бычку (бывшему 5 лѣтъ въ военной службѣ), въ томъ, что онъ православнаго вѣроисповѣданія, неграмотенъ, необходимыя молитвословія хорошо знаетъ, ума здраваго, подъ судомъ и церковною епитиміею не былъ и не состоитъ, ежегодно бываетъ у исповѣди и св. Таинъ причастія, отъ роду имѣетъ тридцать шесть лѣтъ (какъ родился 12 января 1861 года № 13

по метрикѣ), *холостъ*,—или, послѣ перваго брака, совершеннаго 14 января 1890 года № 6 по обыску, *вдовъ*; жена его Марія Өеодорова урожденная Бондарь—крестьянка, 26 лѣтъ, умерла отъ родовъ 5 мая 1896 года № 49 по метрикѣ,—и на вступленіе во второй законный бракъ съ прихожанкою Николаевской церкви, села Трилѣсъ, того же уѣзда, округа и волости, крестьянкою собственницею, дѣвицею Александрою Павловою Крюкъ (или съ вдовою послѣ перваго брака крестьянкою N N, мужъ которой Иванъ Петровъ Постолай умеръ 13 апрѣля 1895 года № 10 по метрикѣ), послѣ троекратнаго оглашенія, произведеннаго въ приходской Антоновской Покровской церкви, января 8, 13 и 10 дня 1897 года, препятствія со стороны родителей, родственниковъ и мѣстнаго приходскаго причта никакого не имѣется; въ чемъ, съ приложеніемъ церковной печати, своимъ подписомъ удостовѣряютъ. С. Антоновка. 26 января 1897 года.

Настоятель церкви N

Псаломщикъ N *Certus.*

Библіографическія замѣтки.

I.

1) Подвижники, борцы и страдальцы за вѣру православную и землю свято-русскую. Отъ начала христіанства на Руси до позднѣйшихъ временъ. Первый выпускъ. Состав. священ. М. Едлинскій Кіевъ. 1896 года. 300 стр. цѣна 1 р. 25 коп.

2) Чудотворныя иконы Нерукотвореннаго Спаса, Божіей Матери и Святые Угодники Божіи, за помощью къ которымъ прибѣгаетъ народъ нашъ въ различныхъ болѣзняхъ и житейскихъ нуждахъ. Свящ. М. Едлинскаго. Кіевъ 1897 года. 213+IV. Цѣна съ перес. 1 рубль.

Въ первой изъ означенныхъ книгъ почтенный авторъ излагаетъ жизнь и дѣла тѣхъ благочестивыхъ и доблестныхъ мужей русскихъ, которые памятны въ исторіи своими подвигами и страданіями за вѣру православную и отечество. Проще сказать, это житія русскихъ святыхъ, преимущественно святителей, князей и иноковъ, съ добавленіемъ, гдѣ слѣдовало, нѣсколькихъ краткихъ

историческихъ очерковъ (русскіе славяне до принятія христіанства,—татарскій погромъ, разореніе Владиміра, разореніе Кіева, татарская неволя и др.). Сообразно съ своей задачей, изъ русскихъ святыхъ авторъ и отмѣчаетъ именно тѣхъ, жизнь и подвиги которыхъ, направлены были ко благу русской народности,—на которыхъ особенно видны знаменія милости Божіей къ русской землѣ, пути промышленія Божіи о нашемъ отечествѣ. Сказанія о распространеніи и утвержденіи христіанства на Руси при Владимірѣ и его сподвижникахъ, авторъ затѣмъ излагаетъ повѣствованіе о Кіево-Печерской обители и ея достохвальныхъ инокахъ въ первые три вѣка существованія послѣдней. Здѣсь помѣщено 14-ть жизнеописаній достохвальныхъ иноковъ Кіево-Печер. Лавры. Далѣе авторъ излагаетъ 32 жизнеописанія другихъ русскихъ угодниковъ Божіихъ, которые положили труды свои за святую Русь. Изложеніе кончается событіями XV-го вѣка. Можно думать, что жизнеописанія расположены по хронологическимъ датамъ. Но житія св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго авторъ не помѣстилъ.

Книга эта читается съ большимъ интересомъ. Это—и житія русскихъ святыхъ и русская исторія въ жизнеописаніяхъ доблестныхъ и святыхъ подвижниковъ русской земли. Книга издана весьма чисто,—печать крупная и четкая, но брошюровка неудачна. Цѣна книги довольно высокая (при 18¾ печ. листа 1 р. 25 коп.). что и затруднитъ желательное пріобрѣтеніе ея въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Съ такимъ же глубокимъ интересомъ читается и другая отмѣчаемая выше книга того-же автора. Здѣсь авторъ излагаетъ всю извѣстную исторію нѣкоторыхъ чудотворныхъ иконъ Спасителя и Божіей Матери,—а также и житія угодниковъ Божіихъ, къ которымъ русскій народъ прибѣгаетъ въ своихъ болѣзняхъ и нуждахъ житейскихъ. Авторъ старательно выясняетъ почему одному святому народъ молится объ избавленіи отъ зубной боли, другому объ избавленіи отъ блудной страсти, третьему—объ избавленіи своего скота отъ болѣзни и язвы,—иному объ исцѣленіи отъ глазныхъ болѣзней, иному—объ исцѣленіи отъ запоя,—отъ лихорадки и пр. Объясненія этому авторъ находитъ весьма легко въ томъ или иномъ характерѣ жизни святого или событіяхъ этой жизни.—Изъ

чудотворныхъ иконъ Божіей Матери, которыя особенно почитаются народомъ и всѣмъ образованнымъ классомъ, авторъ не упомянулъ о Смоленской Божіей Матери—Одигитріи, которою, какъ извѣстно, стараются благословлять вступающихъ въ бракъ. Книга эта весьма полезна и необходима для пастырей Церкви,—и мы должны съ удовольствіемъ отмѣтить ее въ числѣ настольныхъ книгъ приходского священника. Цѣна книги, хотя и не дешевая, но доступная; печать чистая и четкая, но брошюровка опять таки неудачная.

II.

3) Описаніе открытія честныхъ мощей Святителя Θеодосія Углицкаго, Черниговскаго Чудотворца. Доцента Академіи свящ. Θ. Титова. Кіевъ 1896 г. 62 стр.

Эта брошюрка есть оттискъ изъ журнала «Труды Кіев. дух. Академіи» № 9 за 1896 годъ. Содержаніе ея слѣдующее: 1) описаніе открытія честныхъ мощей св. Θеодосія: 2) значеніе черниговскаго торжества и 3) жизнеописаніе св. Θеодосія. Въ небольшомъ предисловіи къ описанію открытія св. мощей Θеодосія авторъ указываетъ, что слава и торжество Чернигова есть слава и торжество и Кіева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевской дух. Академіи, воспитанникомъ которой былъ святитель Θеодосій. Кіевская дух. Академія, говоритъ авторъ, единственная посреди своихъ духовныхъ сестеръ—другихъ академій имѣетъ великое и рѣдкое счастіе—въ числѣ своихъ бывшихъ питомцевъ видѣть угодниковъ Божіихъ, достигшихъ блаженства своею богоугодною жизнію и причисленныхъ русскою православною Церковью къ лику святыхъ. Въ лицѣ св. Θеодосія, Кіевская Академія пріобрѣтаетъ для себя уже третьяго святого ученика, третьяго своего угоднаго молитвинника предъ престоломъ Божіимъ.

Такъ какъ авторъ былъ представителемъ отъ Кіевской Академіи на черниговскомъ торжествѣ 9-го сентября 96 г., то особенный интересъ пріобрѣтаетъ именно описаніе имъ открытія честныхъ мощей св. Θеодосія. Это уже читается, какъ разсказъ очевидца. Глубоко прочувствовано и прекрасно выяснено авторомъ значеніе черниговскаго торжества для всей Христіанской вѣры и для русской Православной церкви. Обстоятельно, съ достаточными

разъясненіями и поучительными указаніями составлено и жизнеописаніе св. Θеодосія.

Прекрасный даръ памяти и благоговѣнія Кіевской духовной Академіи своему святому ученику—угоднику Божію.

Свящ. *А. Клитинъ.*

Извѣстія и замѣтки.

— Въ липовецкомъ и уманскомъ уѣздахъ школьное дѣло съ каждымъ годомъ идетъ значительными шагами впередъ. Года три еще тому назадъ, въ пятомъ округѣ липовецкаго уѣзда не было ни одного правоспособнаго учителя, самыя школы казались жалкими лачужками, половина почти изъ нихъ состояла изъ «школъ грамоты», съ жалованьемъ для учителей въ 30—40 р. въ годъ. Въ настоящее же время контингентъ учителей значительно улучшился. Часто встрѣчаются лица съ образованіемъ духовныхъ семинарій, женскихъ духовныхъ училищъ и болѣе всего двухклассныхъ министерскихъ школъ. Жалованье учителямъ увеличено,—вмѣсто прежнихъ «старыхъ мужицкихъ хатъ» красуются приличныя вполнѣ зданія. Крестьяне желаютъ посылать дѣтей своихъ въ школу, да и сами стремятся къ тому, чтобы не отставать отъ своихъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ школахъ устраиваются «вечернія занятія», которыя посѣщаютъ взрослые и даже женатые мужики. Особенно много содѣйствуетъ развитію школьнаго дѣла новый викарій Кіевской епархіи, Сергій, епископъ уманскій. Во время своей ревизіи въ октябрѣ мѣсяцѣ епископъ Сергій то ласковымъ словомъ, то архипастырскимъ увѣщаніемъ, во многихъ селахъ убѣдилъ крестьянъ устроить приличныя помѣщенія для школъ. Въ нѣкоторыхъ же селахъ онъ убѣдилъ даже вновь устроить школы. Не мѣшаетъ сказать объ этомъ фактѣ подробнѣе. Преосв. Сергій во время ревизіи своей прибылъ въ м. Монастырища, липовецкаго уѣзда. Осмотрѣвъ всѣ четыре находящіяся здѣсь церкви, епископъ пожелалъ посѣтить и церковно-приходскія школы. Но тутъ онъ узналъ, что въ обоихъ Монастырищахъ съ ихъ предмѣстьями (Аврамовка и Летичъ 9000 н.) существуетъ только одна одноклас. министерская школа и ни одной церк.-приходской. Мировой посредникъ г. Ба-

баевъ, по распоряженію Преосвященнаго, созвалъ сельскій сходъ, на которомъ Владыка убѣдилъ крестьянъ добровольно открыть у себя въ приходѣ по школѣ. Крестьяне единогласно постановили: «открыть въ м. Монастырищахъ въ каждомъ приходѣ по школѣ». Для этой цѣли они ассигновали 600 руб.,—изъ нихъ 480 руб. на жалованье учителямъ, а 120 руб. на первоначальное обзаведеніе. Самъ Преосв. обѣщалъ исходатайствовать пособіе на устройство зданія для этихъ юныхъ школъ. Дай Богъ побольше архіерейскихъ ревизій съ такими благими результатами [1])..

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

[1]) Эта корреспонденція дополняетъ и исправляетъ то, что было напечатано на стр. № 2 К. Е. В.—Ред.

для сельско-хозяйственнаго журнала. Многіе изъ деревенскихъ жителей читывали въ книжкахъ и журналахъ и знаютъ, что имъ надо было бы у себя сдѣлать, но какъ это сдѣлать—тутъ они запинаются на первыхъ же шагахъ и... откладываютъ задуманное до лучшихъ временъ. Помочь имъ перейти отъ словъ къ самому дѣлу—эту то задачу и поставилъ себѣ журналъ, насколько можно судить по первому его году. Среди сельскихъ хозяевъ журналъ былъ принятъ, повидимому, очень сочувственно; первыя двѣ книжки его были напечатаны даже вторымъ изданіемъ, и нельзя не сказать что успѣхъ этотъ—добросовѣстно заслуженный успѣхъ».

«Записки Императорскаго общества сельскаго хозяйства Южной Россіи», № 4—Апрѣль 1896 г.: «Выборъ статей и характеръ ихъ изложенія имѣютъ въ виду самаго простого читателя. При этомъ большая часть статей снабжена рисунками и чертежами. Отъ души желаемъ широкаго распространенія журналу «Деревня», самому дешевому изъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ изданій. Несмотря, однако, на всю дешевизну, журналъ издается весьма опрятно и на хорошей бумагѣ, такъ, что большаго ни съ внутренней, ни съ внѣшней стороны нельзя требовать».

Подписная цѣна на журналъ «Деревня»: за годъ, 12 выпусковъ со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой 3 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, уголъ Большой Морской и Кирпичнаго переулка, д. 3—13- Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазины К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ).

№ 4 сданъ на почту 16 февраля.

Содержаніе: Рѣчь по поводу безпор. въ учеб. завед.—Бесѣда предъ вступл. въ св. Четыред.—Помилуй мя Боже.—Попытка къ разр. вопр. перенес. гробницы Ярослава на тепереш. мѣсто.—Некрологъ И. И. Малышевскаго (окончаніе).—Одна изъ мѣръ къ улучшенію пастырскаго учительства.—Голосъ сельск. священника.—Библіографія. Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Кіевскаго духовн. цензурн. Комитета печат. дозвол. 15 февраля 1897 г
Цензоръ, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул. д. № 4